
С.М. Каштанов, Л.В. Столярова

МСТИСЛАВОВА ГРАМОТА: ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Статья посвящена палеографическому и дипломатическому изучению древнейшего иммунитетного акта Руси, сохранившегося в пергаменном подлиннике, – жалованной данной грамоты киевского в. кн. Мстислава Владимировича и его сына кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. Устанавливается книжное, а не канцелярское происхождение текста данного акта. Мстиславова грамота рассматривается в контексте памятников древнерусской хрисографии XI–XIII вв., изучается как структура ее дипломатического формуляра и содержание в контексте складывания земельной собственности монастырей, так и внешние признаки формы. На основе анализа разлиновки и структуры расположения текста предлагается реконструкция первоначального вида листа с Мстиславовой грамотой.

Ключевые слова: Древняя Русь, письменность, Мстиславова грамота, источниковедение, палеография, кодикология, дипломатика, феодальный иммунитет

Как известно, наиболее ранние случаи предоставления иммунитетных привилегий монастырям в Древней Руси относятся к XII в. Об иммунитете на Руси до XII в. никаких определенных данных нет (Каштанов 1996. С. 69; 1999. С. 21–45; 2014. С. 80–81). Первые жалованные акты касаются Новгородской земли, в которой в XI–XII вв. шел процесс формирования крупного землевладения (Янин 1981. С. 272), сопровождавшийся возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. От первой половины и середины XII в. дошли четыре жалованные грамоты, выданные князьями двум новгородским монастырям (Юрьеву и Пантелеймонову). Все они предоставляют прежде всего землю. В одной грамоте в числе отчуждаемых объектов фигурируют также люди и кони, в другой – смерды, в третьей – серебряное блюдо. В двух грамотах (Мстислава и Изяслава) содержится к тому же освобождение от пошлин. Наиболее ранним княжеским актом, фиксирующим передачу земельных владений духовной корпорации, является сохранившаяся в подлиннике пергаменная жалованная данная грамота киевского в. кн. Мстислава Владимировича и его сына

кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на Буицы, с вирами, данями и продажами и осенним полюдьем, а также на серебряное блюдо¹. Сын Мстислава Всеволод по грамоте является юридическим соавтором своего отца. От его лица сформулирована единственная статья – о пожаловании серебряного блюда. Таким образом, киевский великий князь жаловал землю, иммунитет и бан, а новгородский – лишь движимое имущество. В грамоте упоминается игумен Исая – второй в списке юрьевских настоятелей после Кириака, при котором в 1119 г. Юрьев монастырь был основан (ПСРЛ. Т. 3. С. 21, 205; Янин 1991. С. 135, № 62). В 1128 г. Кириак скончался (ПСРЛ. Т. 3. С. 22, 206). Исая как игумен Юрьева монастыря впервые упомянут летописью только под 1134 г. (Там же. С. 23, 208), однако его настоятельство, скорее всего, началось шестью годами раньше, со смертью Кириака в 1128 г. (Янин 1991. С. 135, № 62).

О наделении иммунитетными привилегиями другого новгородского монастыря – Пантелеймонова – говорится в грамоте кн. Изяслава Мстиславича. Две грамоты кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю содержат только земельные пожалования (ГВНП. С. 140–141, № 81; С. 141, № 82; С. 139–140, № 79–80). В подлиннике сохранилась только Мстиславова грамота. Текст остальных трех жалованных грамот XII в. дошел в списках (ГВНП. № 79, 80, 82; Корецкий 1955. С. 204–207; Семенов 1959. С. 247).

Исключительное значение сохранившихся подлинников древнерусских актов XII–XIV вв. для дипломатических, палеографических и лингвистических исследований очевидно. Для дипломатиста и палеографа они являют бесценный материал по истории складывания норм актов документации в средневековой Руси (Каштанов 2014. С. 6–12). Подлинники актов, демонстрирующие образцы раннего документирования XII–XIV вв., позволяют сделать наблюдения над порядком удостоверения актов, способами прикрепления печатей, принципами расположения текста на листе, последовательностью работы писца и пр. Не будучи ограничен возможностями сугубо формулярного анализа, дипломатист, изучающий оригиналы грамот, выходит к исследованию наименее изученной в отечественной

---

¹ ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12. Авторы сердечно благодарят заведующего лабораторией НГМ Е.В. Гордюшенкова, изготовившего для нас фотокопии Мстиславовой грамоты с обеих сторон в размере оригинала, и старшего научного сотрудника ОПИ НГМ Г.К. Маркину, сделавшую по нашей просьбе ряд уточнений палеографического характера по подлиннику.

историографии проблематики, связанной с реконструкцией процесса документирования в рамках древнейших протоканцелярий. Иными словами, изучая раннюю историю делопроизводства, исследователь обращается к вопросу о зарождении и становлении государственного аппарата управления. Всё это делает возможным постановку вопроса о роли документирования в Древней Руси XII–XIV вв. как управленческого и культурного феномена².

Иммунитетная политика началась на Руси в XII в., во Франкском государстве – в VII в., на пять веков раньше. Первые иммунитетные дипломы, признаваемые в литературе подлинными, были выданы в 635 г. королем Дагобертом I (Dagobert I). Они касались аббатства Сен-Дени (abbaye de St. Denis) и монастыря Ребе (monastère de Rebais) (Kroell 1910. P. 101, note 2, 3). Несмотря на большой хронологический разрыв, видны общие черты начальной стадии иммунитетной политики на Руси и во Франкском государстве. Первыми получателями иммунитетных грамот и тут и там были крупные монастыри. В историографии подчеркивается, что происхождение франкского иммунитета связано с судебной-финансовой изолированностью земель фиска, т.е. королевской вотчины, хотя первый пожалованный диплом (монастырю Ребе) не касался бывшей земли фиска (Ganshof 1958. P. 187; Magnou-Nortier 1984. P. 466; Kroell 1910. P. 64). На Руси в XII в. иммунитет устанавливался великими князьями на землях, которые они жалуют монастырям, по-видимому, из состава своих владений.

По справедливому замечанию М. Крёля, иммунитет во Франкском государстве появился вследствие того, что тут еще в VI в. у крупных землевладельцев, как светских, так и духовных, на

---

² Отечественная и зарубежная медиевистика до сих пор не знала примеров фундаментальных изданий, факсимильно воспроизводящих сохранившиеся подлинники древнерусских актов. Поэтому особую актуальность приобретает задача подготовки и выпуска в свет первого в историографии факсимильного издания оригиналов древнейших русских грамот XII–XIV вв., выполненного с учетом современного отечественного и зарубежного опыта дипломатической археографии. Издание предполагает систематизацию знаний о составе, дипломатических и палеографических особенностях древнейших русских актов XII–XIV вв. и планируется в рамках международной серии «*Monumenta palaeographica medii aevi*» (MPMA. *Seria Rossica*. Т. 1). Издание готовится международным авторским коллективом – К.В. Баранов, С.М. Каштанов, Н.А. Комочев, С.Ю. Королёва, Л.В. Столярова (Россия, Москва), П. Гонно (Франция, Париж), А.С. Иванов и А.М. Кузнецов (Латвия, Даугавпилс) – под руководством чл.-корр. РАН С.М. Каштанова и проф. П. Гонно. Подготовка русского тома MPMA была инициирована членом-корреспондентом французской Академии Ж. Везеном и ныне покойным проф. Х. Ацма. Данная статья написана в процессе подготовки текста Мстиславовой грамоты для первого тома «русской» серии MPMA.

практике возникала «частная юрисдикция» (*justice privée*) в отношении обитателей их имений и свободных крестьян, становившихся под их патронат. Такой неоформленной и первичной юрисдикцией (*la juridiction inorganique et rudimentaire*) обладали уже богатые землевладельцы позднеримского периода. По мнению Крёля, «сильные люди» (*potentes*) франкской эпохи унаследовали власть некоторых низших судебных инстанций (*mediocres iudices*) позднеримской империи – мировых судей (*assertores pacis*, фр. *Juges de paix*) и адвокатов (*defensores*, фр. *avoués*) (Kroell 1910. P. 33–34). Автор совершенно прав, утверждая, что наличие этой юрисдикции нельзя объяснить дипломами, поскольку она предшествует им, будучи засвидетельствована Анжерскими формулами (*les formules d'Angers*), из которых наиболее ранние относятся к 514–515 гг. (Kroell 1910. P. 34–35).

Необходимой предпосылкой пожалования иммунитета является формирование судебно-административной власти вотчинников по отношению к населению владений. В XI–XII вв. в Новгородской земле шел процесс складывания крупной земельной собственности, который, как и во Франкском государстве VI в., сопровождался возникновением зачаточной юрисдикции вотчинников. Такова общая закономерность, для которой наличие или отсутствие римского наследия – частный случай, хотя и существенно влияющий на время возникновения и правовые особенности иммунитета. Русский иммунитет появился много позднее франкского, поскольку процесс образования класса крупных землевладельцев начался здесь не раньше XI в., да и то сначала лишь в Новгородской земле (Каштанов 1970в. С. 155–157, 190–199; 1999. С. 33).

О судьбах иммунитета новгородских монастырей в XIII в. судить трудно, т.к. от этого времени ни одной жалованной грамоты русским монастырям не сохранилось. После грамот Мстислава и Изяслава наступила длительная остановка в иммунитетной политике русских князей. Только с XIV в. выдача жалованных грамот с иммунитетными привилегиями монастырям и другим землевладельцам становится постоянным элементом внутренней политики – то, что во Франкском государстве произошло в VII в. Вообще, по темпам выдачи грамот и по охвату монастырей русские акты XIV в. имеют много общего с меровингскими дипломами VII в., хотя, надо сказать, что иммунитетная политика меровингских королей, особенно во второй половине VII в., была более активной, чем политика князей Северо-Восточной Руси в XIV в. Из 23 иммунитетных дипломов 635–700 гг., указанных в перечне М. Крёля, к аббатствам

и монастырям относятся 18, к епископствам – 5. Вниманием правительства пользовались в это время аббатства Сен-Дени (*l'abbaye de Saint-Denis*), Сен-Бертен (*l'abbaye de Saint-Bertin*), Монтъеранде (*l'abbaye de Montiérande*), Тюссонваль (*l'abbaye de Tussonval*), монастыри Ребе (*de Rebaix*), Куньон (*de Cougnon*), Сенон (*de Senones*), Корби (*de Corbie*), Ставело-и-Мальмеди (*de Stavelot et Malmedy*), Кале (*de Calais*), Аржантей (*d'Argenteuil*), Сен-Мор-де-Фоссе (*Saint Maur des Fossés*)³. К текстам меровингских дипломов следует относиться с большой осторожностью, учитывая наличие среди них многих подложных и частично фальсифицированных актов⁴.

Что касается русских жалованных грамот с иммунитетными привилегиями, то в XIV в. их получили монастыри ярославский Спасский, новгородский Юрьев, тверской Отроч, рязанский Ольгов, московский Чудов, Спасо-Преображенский у Медвежьих озер, Нижегородский Спасо-Благовещенский (ГВНП. С. 143, № 86; АСЭИ. Т. 2. С. 338–339, № 340; Т. 3. С. 52–53, 152–153, 204–205, 321, 350–352, № 29, 116, 190, 294, 322). Вероятно, в конце XIV в. иммунитетные грамоты были выданы рязанскому Солотчинскому монастырю (датируются примерно 1390–1425 гг.), суздальскому Спасо-Евфимьеву и Кирилло-Белозерскому (1397–1427 гг.). Таким образом, грамот, выданных в XIV в., тексты которых сохранились, всего семь. Из них только три дошли в подлиннике. Восемь сохранившихся древнерусских иммунитетных актов условно датируются концом XIV – началом XV в. (Каштанов 2014. С. 97). Имеются данные об утраченных жалованных грамотах (например, «старые грамоты великих князии» упоминаются в грамоте митрополита Киприана владимирскому Рождественскому монастырю 1399 г.), точное число которых не может быть установлено. По подсчетам С.М. Каштанова, от трех первых четвертей XIV в. известно 12 жалованных актов, включая упоминания и позднейшие изложения (Каштанов 1996. С. 72). Обращает на себя внимание, что до 1380 г. совершенно отсутствуют жалованные акты на землю в пределах центральной части Московского княжества. Грамоты московских великих князей Ивана Даниловича Калиты и Дмитрия Ивановича

---

³ Kroell 1910. P. 333–336. Современные французские исследователи считают, что дошедшие документы составляют незначительную часть актов, которые были составлены от имени французских королей, и поэтому они мало репрезентативны (Atsma, Vezin 1998. S. 9). В отечественной историографии можно встретить схожую точку зрения в отношении русских грамот XIV–XVI вв. – см., например: Носов 1962. С. 261–348; ср.: Кобрин 1973. С. 171–186; Каштанов 1988а. С. 111–112, 133–134.

⁴ Библиографию вопроса см.: Каштанов 1999. С. 34, 44, примеч. 61.

Донского относятся к новгородским пределам (Печора) и к спорным территориям на границах Новгородской республики, Тверского и Московского княжеств (районы Волока, Торжка, Костромы) (ГВНП. № 84, 86; АСЭИ. Т. 3. № 2, 178, 238). Остальные акты касаются территории Рязанского, Тверского, Ярославского княжеств, Новгородской и Псковской республик (Кузьмин 1967. С. 112; Сборник 1971. Ч. 2. С. 16; АСЭИ. Т. 3. № 116, 190, 311, 314–316; ГВНП. № 85, 333; см. также: Каштанов 1996. С. 72). Грамоты с иммунитетными привилегиями выдавали в XIV в, главным образом, великие князья, но не киевские, как в XII в., а московские, тверские, рязанские.

Из княжеских жалованных грамот монастырям XIV в. в пергаменном подлиннике дошла грамота в. кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю (АСЭИ. Т. 3. С. 350–352, № 322). В XIX в. существовал впоследствии утраченный пергаменный подлинник жалованной грамоты тверских князей тверскому Отрочу монастырю, известный по публикации 1836 г. (ААЭ. Т. 1. С. 2–3, № 5). Оригиналом, написанным на бумаге, является грамота митрополита Киприана 1399 г. владимирскому Рождественскому монастырю (АСЭИ. Т. 3. С. 117–118, № 86). Все остальные русские иммунитетные грамоты сохранились в списках. Поэтому, изучая монастырский иммунитет на Руси в XII–XIV вв., мы не можем полностью следовать принципу Ф.-Л. Гансхофа (1958, 1988) – опираться исключительно на оригиналы или современные оригиналу копии. Тем важнее наблюдения палеографического характера над сохранившимися подлинниками древнейших русских жалованных актов, среди которых хронологически наиболее ранним является Мстиславова грамота.

Как и три другие грамоты, датируемые XII в. (грамота кн. Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю и две грамоты кн. Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю), Мстиславова грамота не имеет в своем тексте даты. Датировка этих актов определяется как общеисторическими соображениями, так и палеографически. Наиболее узкая датировка – 1130 г. – в литературе закрепила за Мстиславова грамотой. С ней соглашался и новейший исследователь новгородских актов XII–XV вв. В.Л. Янин (1991). Основанием для датировки грамоты 1130 г. является упоминание Новгородской I летописью (Н1) под 6638 г. поездки новгородского кн. Всеволода Мстиславича к отцу, в. кн. Мстиславу Владимировичу в Киев: «...ходи Киеву къ отцю» (ПСРЛ. Т. 3. С. 22).

Т.В. Рождественская (1992; 1994) датировала грамоту Мстислава Владимировича 1128 г. Вслед за И.А. Шляпкиным Рождественская

отождествила кн. Мстислава, упомянутого в надписи на стене Георгиевского собора Юрьева монастыря, с великим князем Мстиславом Владимировичем, хотя в Новгороде в XII – начале XIII в. правили и другие князья, носившие имя Мстислав, а в крещении Федор. Исследовательница предположила, что Мстислав Владимирович приезжал в Новгород в связи с поставлением нового юрьевского игумена Исайи, которому была дана грамота. Однако никаких сведений о приезде Мстислава в Новгород в 1128 г. летописи не содержат (Каштанов 1996. С. 69, примеч. 6).

К палеографии Мстиславовой грамоты

Мстиславова грамота является одним из наиболее ранних памятников древнерусской хрисографии и, безусловно, самым ранним древнерусским актом, написанным золотом. Среди древнейших восточнославянских рукописей XI–XII вв., фрагменты текста которых написаны золотом, следует указать еще Остромирово евангелие 1056–1057 гг.⁵, Изборник Святослава 1073 г.⁶, Куприяновские (Новгородские) листки XI в.⁷, Мстиславово евангелие ок. 1117 г.⁸ Однако древнерусская кодикология не знает ни одной рукописной книги, целиком написанной золотом. Не известны и славянские «пурпурные кодексы», как нет и текстов, сделанных серебром⁹. Тем более письмо золотом не типично для древнерусского акта, хотя характерно для канцелярской практики Священной Римской империи X–XI вв. (см. ниже).

История «золотых манускриптов» (чаще их называют «пурпурными кодексами¹⁰») – рукописных книг исключительно духовного содержания (Евангелий, Септуагинт и Псалтирей), выполненных в

⁵ РНБ. Ф.п.1.5; см., например: СК. С. 33–36, № 3; Остромирово евангелие 1988.

⁶ ГИМ. Син. № 1043 (Син. № 31-д); см.: Изборник 1983; СК. С. 36–40, № 4.

⁷ РНБ. Ф.п.1.58. Л. 1, 2 об.; см.: СК. № 12. С. 53.

⁸ ГИМ. Син. № 1203; см.: Апракос 1983. С. 289 (запись златописца Жадена); СК. С. 90–92, № 51.

⁹ Черепнин 1956. С. 145. Письмо серебром отмечается в славяно-русских кодексах не ранее, чем в XVI–XVII вв. (Там же. С. 352, 422, 497).

¹⁰ В латинской и греческой палеографии «металлическими» или «пурпурными» кодексами могли быть рукописи, текст которых частично или полностью был написан золотом и/или серебром. Поскольку древнерусская книжная традиция письма серебром не знает, здесь и далее мы говорим только об искусстве хрисографии (или хризогрфии; от греч. χρῶς – золото и γράφω – пишу), т.е. о письме именно золотом или золотыми красками (чернилами).

могли быть переписаны золотом и по неокрашенному пурпуром пергамену. В ряде случаев по пурпурному фону золотом и серебром писались только миниатюры; текст делался по белому (естественному) фону пергаменного листа¹².

Первое упоминание о *Codex Purpureus* относится к 384 г. и содержится в одном из посланий Иеронима Стридонского (Needham 1979. P. 21). Бóльшая часть сохранившихся «золотых и серебряных кодексов» датируется VI в. Своим происхождением они связаны с Византией или государствами, испытавшими на себе византийское влияние. Оживление искусства хрисографии в Европе произошло в каролингскую эпоху. В X в. «металлическое письмо» из книг исчезает. В это время письмо золотом и серебром в Италии, Германии и Англии из пурпурных кодексов переключалось в дипломы. Известны золотые грамоты императоров Священной Римской империи Оттона I Великого (962 г.), Оттона II Рыжего (972 г.), Конрада II (1035 г.), Генриха IV (1079, 1095 гг.) (Добиаш-Рождественская 1987. С. 49). Возникнув на исходе этой традиции, памятники древнерусской хрисографии XI–XII вв. оказались слабым отблеском грандиозной роскоши пурпурных кодексов Византии и варварского Запада. Однако даже в виде небольших фрагментов текста и декора они поражают воображение исследователя своей красотой и величием.

Золотом написаны заголовки отдельных чтений на л. 256–38а Остромирова евангелия 1056–1057 гг.¹³ Кроме того, золотом и красками были сделаны большая заставка на л. 2 и малые заставки на л. 58а, 89а, 127а, 164а, 204в, 210г, 226г, 239г, 243а, 256а, 263г, 267г, 270г, 271г, 274б, 281г, 283б, 288в, а также инициалы старовизантийского стиля. Золото обильно использовано и в роскошных византийских миниатюрах этого кодекса (см., например: СК. С. 33–36, № 3). В Изборнике Святослава 1073 г. на л. 1 об. расположена миниатюра в красках и золоте с изображением семьи киевского в. кн. Святослава с женой и сыновьями. Над фигурами золотом сделаны пояснительные надписи: «Гълѣбъ», «Ольгъ», «Да[ви]дъ», «Рѡманъ», «ЕАрославъ», «кнагъни», «С[вя]тославъ». Миниатюра. На л. 2 об. внутри орнаментальной

¹² Назовем Стокгольмский Золотой кодекс ок. 750 г.; Евангелие Годескалька ок. 781–783 гт., Имперское евангелие ок. 794–800 гт., Псалтирь Дагульфа ок. 783–795 гт., Шантейское евангелие начала IX в. и др. раннесредневековые латинские пурпурные кодексы (см.: Weitzmann 1977. P. 116–124).

¹³ Для письма золотых заголовков Остромирова евангелия был привлечен особый писец (в специальной литературе он обычно обозначается как III), вероятно, считавшийся мастером хрисографии.

рамки старовизантийского стиля, написанной в красках и золоте, помещена Похвала Святославу, сделанная почерком писца и также золотом. Последние две с половиной строки Похвалы расположены на л. 2 над изображением Спаса. В красках и золоте сделаны архитектурные фронтисписы Изборника на л. 3, 3 об., 128, 128 об., а также заставки старовизантийского стиля на л. 4 и 129. Золотом написаны концовки на л. 122 об., 133 об., 266, золотом и красками – концовка на л. 263 об. Под заставками на л. 4а и 129а – два больших инициала старовизантийского типа, золотым контуром с раскраской красной, синей и зеленой красками. Остальные крупные инициалы Изборника (простого рисунка, контурные) сделаны золотом и в ряде случаев раскрашены синей краской. Малые инициалы написаны золотом или киноварью. В так называемых Куприяновских (Новгородских) листах XI в. инициалы старовизантийского стиля на л. 1, 2 об. сделаны в красках с золотом. Следы золота сохранились и в заголовках чтений. В Мстиславовом евангелии золотом написаны заголовки чтений. Золото использовано в декоре миниатюр, больших и малых заставок, а также инициалов этого кодекса (СК. С. 33–36, № 3; С. 36–40, № 4; С. 53, № 12; С. 90–92, № 51). Пурпурных фонов, как и вообще пурпурных чернил, сохранившиеся образцы книгописной древнерусской хрисографии не знают (см. ниже).

Текст Мстиславовой грамоты написан золотом по киноварной основе, уставом, в 21 строку по предварительно разлинованному пергамену с его более светлой и гладкой мясной стороны¹⁴. Киноварь со временем пожелтела (см. ниже)¹⁵. Позолота, нанесенная на киновар-

---

¹⁴ По отдельным вопросам палеографии Мстиславовой грамоты авторы настоящей статьи расходятся. С.М. Каштанов допускает, что измененный цвет пергаменного листа Мстиславовой грамоты (пожелтел) может свидетельствовать о том, что киноварью (или иным пигментом, имитировавшим красный цвет киновари) была покрыта вся его поверхность. Иными словами, грамота писалась по красному фону золотом. Л.В. Столярова не разделяет этого предположения и полагает, что текст Мстиславовой грамоты первоначально был написан киноварью, ныне изменившей цвет, по неокрашенному белому фону пергаменного листа. Затем по киновари текст был наведен золотом на клеевой основе, т.е. был как бы позолочен в соответствии с техникой письма твореным золотом; подробнее об этом см. ниже. Когда именно произошло это золочение, т.е. собственно технический аспект хрисографии Мстиславовой грамоты, – сразу после написания ее текста киноварью или спустя какое-то время, – не ясно. Учитывая, что золочение букв точно пришлось по киноварной основе, следует все-таки думать, что оно было произведено тем же писцом в момент составления сохранившегося экземпляра Мстиславовой грамоты, а никак не позднее.

¹⁵ Наличие киноварной прописи-основы в тексте Мстиславовой грамоты по нашей просьбе подтверждено старшим научным сотрудником ОПИ НГМ Г.К. Маркиной в ее письме от 12 марта 2013 г., хранящемся в личном архиве С.М. Каштанова.

ную основу (пропись всего текста), почти полностью утрачена. Как известно, сведений о технике письма книг и грамот в Древней Руси ранее конца XV в. нет. Наибольшее же количество источников такого рода сохранилось от XVII в., среди них имеются и руководства по письму листовым золотом. Скорее всего, технические приемы книжной хрисографии в древнейший период славяно-русской письменности мало отличались от описанных в руководствах XVII в. В соответствии с ними, листовое золото при помощи пальца растиралось с медом до получения единообразной массы («меду патоки с грецкую горошину, а золота листов с пять или шесть, а полагаги по единому листу и перстом терти, дондеже золото сравняется с медом»). После этого полученная смесь несколько раз промывалась водой и соединялась с «камедью» – клеем растительного происхождения, чаще вишневым или сливовым («...и вымыв, творити в камеди в вельми жидкой»), а затем наносилась на текст, предварительно написанный киноварью («и писати по киноварю») (подробнее см.: Черепнин 1956. С. 352). Тем же способом (т.е. с использованием техники письма твореным золотом, когда требовалось предварительное прописывание текста киноварью¹⁶), вероятно, писался текст Мстиславовой грамоты.

Цвет пергамена существенно изменен временем. С.М. Каштанов допускает, что прежде лист с текстом Мстиславовой грамоты мог быть даже тонирован красной краской, возможно, разведенной на воде киноварью (по типу тонированных пурпуром фонов «золотых» и «серебряных» манускриптов). Примеры измененного цветного фона «золотых» и «серебряных» кодексов, выгоревшего или выцветшего до охристо-желтого или почти коричневого, хорошо известны. К числу таких рукописей, без сомнения, следует отнести старолатинский унциальный «Веронский кодекс» IV или V в., а также серебряные унциальные греческие рукописи Нового завета – Синопский и Росанский кодексы VI в. и др. (см., например: Diringer 1967; Weitzmann

---

¹⁶ Рецепт приготовления твореного золота для письма предполагала составление густого раствора на основе рыбьего клея, желательно – осетрового («...разтвори клею осетроваго или какой ни есть»). Далее надлежало растереть листовое золото с клеем и небольшим количеством соли («...возьми злато... листа три или четыре... прибавь соли мало, и три»). Полученную массу, доведенную до консистенции густой краски («будет яко вохра белило»), промывали водой и соединяли с вишневым клеем, после чего золотые чернила становились пригодными к употреблению («...потом вымой водою чистою и, приложив камеди, пиши по чему хочещи»). Подробнее о технике письма твореным золотом см.: Черепнин 1956. С. 352; библиографию истории древнерусской хрисографии и технологии приготовления чернил и красок в Древней Руси см.: Там же. С. 144–145, примеч. 1–2; ср. также: Свод 1995. Кн. 1, 2.

1977; De Hamel 1986). Однако тонирование производилось в этих кодексах не красной краской или киноварью, а пурпуром (лат. *purpura*, греч. πορφύρα) – красителем различных оттенков от багряного и фиолетового до индиго, извлекавшимся из разных видов средиземноморских брюхоногих моллюсков-иглянок.

В древнерусской письменности пурпуровые чернила, как известно, не использовались. Примеров письма по предварительно тонированному киноварью или красной краской пергамену также нет. Однако известны западноевропейские средневековые рукописи, текст которых частично (цитаты или наиболее важные фрагменты) или даже полностью написан киноварью. Так, история латинской палеографии знает созданное на севере Франции Евангелие IX в., написанное киноварью (Киселёва 2003. С. 197)¹⁷. Письмо заголовков чтений (в том числе контура букв в заголовках) киноварью или красной краской разных оттенков, имитирующей своим цветом киноварь, практиковалось в XI–XII вв. в оформлении книг и на Руси (Архангельское евангелие 1092 г., Минея служебная на ноябрь 1097 г., Туровское евангелие XI в., Минея служебная на сентябрь рубежа XI–XII вв. и др. – СК. С. 44, № 6; С. 49, № 9; С. 50, № 10; С. 67, № 24; С. 73, № 31). В Пандектах Никона Черногорца и в Чудовской псалтири XI в. в некоторых заголовках отмечено употребление вместо киновари красителя малинового цвета (СК. С. 79, № 37).

Для традиции оформления актов в средневековой России письмо киноварью всего текста или каких-либо его фрагментов (кроме инициалов и заглавных букв) не характерно. В литературе упоминается грамота Ивана Грозного первому казанскому архиепископу Гурию от 5 апреля 1557 (7065)¹⁸ или 1559 (7067) г.¹⁹, написанная якобы киноварью, причем собственноручно Иваном Грозным²⁰. В списке В.Н. Татищева говорится: «...оное писано киноварью» (Татищев 1968. Т. 7. С. 387). В примечании к тексту грамоты в

---

¹⁷ Впрочем, не исключено, что в этом кодексе киноварь предназначалась в качестве основы под золотые чернила, которые так и не были применены.

¹⁸ Татищев 1968. Т. 7. С. 385–387, № 171; Продолжение 1789. Ч. 5. С. 241–244; Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. С. 205–206; Рыбушкин 1834. Ч. 1. С. 41–43; История Татарии 1937. С. 152.

¹⁹ Гавриил 1840. С. 27–29, № 8; Баженов 1847. Ч. 2. С. 20–22, примеч. (год обозначен как «1067»); ср.: ХП-II. С. 154, № 785; Ермолаев 1980. С. 14–15, № 61.

²⁰ У В.Н. Татищева отмечено: «Письмо своеручное»; в Продолжении 1789: «Список с своеручного письма»; в «Прибавлении к Казанскому вестнику»: «Копия с своеручного письма».

издании 1829 г. сказано, что «в сем письме все курсивные слова написаны красными чернилами»²¹. Неясно, откуда взята эта информация и что такое «курсивные слова». В том же издании отмечена гибель подлинника, по которому можно было бы судить о палеографии утраченного текста: «...письмо сие в подлиннике хранилось как драгоценность в здешнем кафедральном Благовещенском соборе; но от время утрачено или от бывших неоднократно в Казани пожаров сгорело»²². В литературе не раз высказывались обоснованные сомнения в подлинности царского послания архиепископу Гурию²³. Трудно поверить, что грамота могла быть написана самим царем, да к тому же и киноварью. Это противоречит всей делопроизводственной практике середины XVI в. Язык и стиль источника, его терминология и фразеология свидетельствуют о том, что мы имеем дело с фальсификатом (Каштанов 2014. С. 285–286). Нет и случаев написания великокняжеских или царских документов киноварью в более раннее время, что могло бы свидетельствовать, например, об использовании на Руси киновари в качестве специальных царских чернил (как в Византии пурпура) (Черепнин 1956. С. 351).

И.И. Срезневский, имевший возможность подвергнуть пигменты, с помощью которых написана Мстиславова грамота, химическому анализу и исследованию под микроскопом, как будто никаких признаков тонирования пергамена не обнаружил. Срезневский ни словом не обмолвился и о первоначальной прописи текста Мстиславовой грамоты киноварью. Вероятно, описывая ее цвет, измененный в результате последующего ее соединения с золотом, камедью и особенно – под воздействием естественных факторов старения пергамена и нанесенных на него пигментов, он описал его как «коричневый». Этот «коричневый» слой под золотой (впрочем, со следами значительных утрат) краской, он принял за «растительный клей», прежде бывший «цвета вишневого». Фиксируя внешние признаки Мстиславовой грамоты, ученый писал: «...грамота писана золотым раствором, в котором золото (чистое, как оказалось при химическом анализе) соединено с растительным клеем, который теперь невооруженному

---

²¹ Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. С. 206, примеч.

²² Там же. С. 205; см.: Каштанов 2014. С. 285.

²³ Иконников 1891. Т. 1, кн. 1. С. 111; Черепнин 1956. С. 351 (грамота отнесена к 1555 г. и указано, что «все письмо было исполнено киноварью»); Каштанов 1970а. С. 185–186; 2014. С. 284–286.

глазу кажется цвета коричневого, а под микроскопом лилового, и первоначально был, вероятно, цвета вишневого. Золото в этом клее представляется в виде очень мелких крупинок»²⁴. В настоящее время цвет киноварной основы под золотым текстом Мстиславовой грамоты еще более изменился, как бы выцвел, поблек и пожелтел. Как уже говорилось, сейчас он может быть определен как темноохристо-желтый, но не как коричневый, каким его находил И.И. Срезневский еще в 1860 г. (Щавинский 1935. С. 35).

Формат Мстиславовой грамоты – 155 мм (ширина по верхнему и нижнему краям) × 187 мм (высота по левому краю), 185 мм (высота по правому краю). Длина середины грамоты по горизонтали 157 мм. Колебания в размерах Мстиславовой грамоты, скорее всего, следует объяснить тем, что она обрезалась со всех четырех сторон, и первоначальный ее формат был бóльшим (основание превышало 157 мм, высота значительно превышала 187 мм).

Разлиновка

Мстиславова грамота является единственным домонгольским актом, написанным по предварительно разлинованному пергамену. Не писались по разлинованному пергамену и позднейшие акты. Исключение составляет лишь жалованная грамота в.кн. Олега Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг., сохранившаяся в пергаменном подлиннике, также предварительно разлинованном, и к тому же украшенная миниатюрой (АСЭИ. Т. 3. С. 350–352, № 322). Разлиновка пергаменных листов в порядке приготовления их для письма в Древней Руси была исключительной прерогативой книжного, а не актового письма. Разлиновка Мстиславовой грамоты сделана острием какого-то твердого предмета (наподобие шила) и обозначает не только строки, отведенные под текст (21 горизонтальная линия), но и две ограничительные вертикальные линии (по одной слева и справа от текста), обозначающие начало и конец строк и таким образом – границы левого и правого поля грамоты. Ограничительные линии сделаны: одна – на расстоянии 12 мм от правого края, другая – на рас-

---

²⁴ Срезневский 1860. С. 6. Об изменении оттенка чернил со временем и зависимости их цвета от состава в них тех или иных красящих веществ, подробно писал еще В.А. Щавинский, специально занимавшийся технологией производства красок в Древней Руси (1935. С. 35).

стоянии 10 мм от левого края Мстиславовой грамоты. Прорези глубокие, ограничительные линии прочерчены во всю ширину и длину пергаменного листа. Обозначенные разлиновкой строки в ряде случаев пересекают левую и правую ограничительные линии, достигая прорезей (насечек). Однако не исключено, что первоначально насечки не соприкасались с горизонтальными линиями разлиновки. Вероятно, глубокие прорезы на левом и правом полях и прочерченные острым предметом строки (особенно это видно слева, в районе 6-й, 7-й, 10-й, 11-й, 13-й, 14-й строк снизу) еще более углубились в результате многократного сворачивания пергаменного листа в столбец, который неоднократно деформировался и сплющивался в процессе хранения. Сухой пергамен и глубокие прорезы на нём делали грамоту довольно ломкой, вследствие чего горизонтальные линии разлиновки несколько расползлись влево.

Верхнее и нижнее поля у Мстиславовой грамоты практически отсутствуют. Небольшое верхнее поле как бы соответствует ширине межстрочных интервалов в основном тексте грамоты и обозначено только верхним краем букв первой строки текста, зафиксированной первой из горизонтальных линий разлиновки. Минимальное нижнее поле вполтину меньше ширины межстрочных интервалов в основном тексте, обозначено только нижними частями букв 21-й строки и кривым обрезом нижнего края пергаменного листа. Обрез Мстиславовой грамоты снизу пришелся чуть ниже последней (21-й) горизонтальной ограничительной линии, зафиксированной разлиновкой.

Слева пергаменный лист обрезан довольно ровно, тогда как справа он не просто обрезан, а как будто грубо выделен или даже вырван из какого-то сборника (?), имевшего, вероятно, тетрадную структуру. Последнее обнаруживают два особенно глубоких и неровных обрыва правого края пергамена на $0,5 \times 2,8$ см в районе строк № 4 и 5 (первый) и на $0,5 \times 3,2$ см в районе строк № 12–15 (второй) – следы сшивки этого листа с другими пергаменными листами в рамках единой тетради. Дефектность левого и правого полей подчеркивается наличием глубоких наколов или дополнительных прорезей, которые служили предварительной разметкой для горизонтальной разлиновки строк грамоты. Слева и справа от каждой из строк текста насчитывается по 21-й прорези. Всего прорезей 42. По первой прорези слева нарисован четырехконечный крест (символическая invocatio?). Прорези кажутся едва уместившимися на

узких полях рукописи. Размер строк с текстом составляет 13,5–13,7 см. Размер промежутков между горизонтальными линиями – 0,8–0,9 см. Теперешний размер грамоты определен обрезкой листа со всех его четырех сторон, существенно изменившей и деформировавшей первоначальный вид пергаменного листа с текстом Мстиславовой грамоты.

Сплошные прорезы от левого до правого поля при разлиновке средневековых рукописей не делались. Правая и левая ограничительные линии обычно были в кодексах XI–XII вв. не одинарными, а двойными. Внешний край ограничительных линий служил границей начала правого и левого поля, размеры которых были весьма значительными (см. ниже). Кроме того, поля не подвергались разлиновке, оставаясь свободными от каких бы то ни было наколов, горизонтальных и вертикальных линий и прочих разметок по всей их площади. Это прямо свидетельствует о том, что первоначально Мстиславова грамота имела большие и чистые левое и правое поля. Ныне малые по своим размерам левое и правое поля, почти совпадающие по ширине друг другом (ширина правого поля в наименее деформированных местах почти совпадает с шириной левого поля; разница между ними колеблется в пределах 1–2 мм), вероятно, были усечены по предварительно обозначенной границе. Не исключено, что этой границей послужила первая (внешняя) ограничительная линия, заданная при разлиновке листа. Такая линия типична при разлиновке пергамента под текст рукописной книги, а самый факт наличия разлиновки Мстиславовой грамоты наводит на мысль о присутствии в ее оформлении принципов не канцелярского, а именно книжного письма.

Нами были исследованы особенности разлиновки десяти произвольно отобранных древнерусских пергаменных рукописей XI–XIII вв.²⁵, написанных в домонгольский период²⁶. Как уже

---

²⁵ РНБ. Соф. № 202 (Путьятина минея); РГАДА. Ф. 381. № 138 (Триодь цветная); РНБ. Соф. № 1 (Пантелеймоново евангелие); РНБ. Соф. № 384 (Стихирарь минейный, нотир.); РНБ. Соф. № 188 (Минея служ, сент. – окт.), РНБ. Соф. № 206 (Минея служ., июнь); ГИМ. Син. № 161 (Минея служ. ноябрь, нотир.); РГАДА. Ф. 381. № 152 (Стихирарь минейный, сент. – февр., нотир; три варианта разлиновки соответствуют почеркам трех писцов); РНБ. Погод. № 12 (Полоцкое евангелие); РНБ. Соф. № 85 (Стихирарь постн. и цв., нотир.).

²⁶ По нашим наблюдениям, рукописи XIII в., написанные в период после монгольского завоевания и вплоть до второй половины XIV в., нередко несут в своем письме и оформлении выраженные черты опрощения. Касается это и

говорилось, в теперешнем виде лист с Мстиславовой грамотой имеет формат $18,5-18,7 \times 15,7$ см. Кадр с текстом²⁷ (т.е. внутреннее пространство писчего поля, ограниченное с четырех сторон самой верхней и самой нижней горизонтальными, а также ближайшими к тексту [внутренними] левой и правой вертикальной линиями разлиновки) составляет $17,5 \times 13,7$ см. Площадь листа грамоты $293,59$ см², а площадь текста – $239,75$ см². Таким образом, текст занимает ок. 81,7% площади пергаменного листа²⁸ – типичный признак того, что исходный размер листа, на котором написана грамота, был иным, а первоначально большие поля оказались усеченными. Понимая всю приблизительность подобных расчетов²⁹, попытаемся определить вероятную минимальную площадь листа Мстиславовой грамоты до обрезания ее полей. Учитывая, что отношение площади текста к площади листа в рукописях XI–XIII вв. в среднем составляет 2,16, получаем, что вероятная минимальная площадь листа Мстиславовой грамоты была $239,5 \times 2,16 = 517,32$ см². Этот показатель ближе всего к площади листа Минеи служебной на июнь XII в. (РНБ. Соф. № 206) – $513,76$ см²; Минеи служебной на сентябрь – октябрь (РНБ. Соф. № 188) – $526,75$ см² и Стихираря минейного 1156–1163 гг. (РНБ. Соф. № 384) – $490,25$ см². Высота этих кодексов колеблется от 24,7 до 26,5 см, а основание – от 18,5 до 21,5 см. Иными словами, в первоизданном виде (до усечения полей при смене переплета) формат этих рукописей был $> 24,7-26,5 \times 18,5-21,5$ см. Первоначальный формат листа с Мстиславовой грамотой (до усечения полей) был, таким образом, не меньше $24,7 \times 18,5$ см³⁰ (см. ниже).

разлиновки. При этом примитивные и, вероятно, без использования специальных приспособлений типа карамсы, способы линования характерны не только для сохранившихся кодексов Северо-Восточной и Южной Руси, но и рукописей новгородско-псковского происхождения, таких как Захаринский паремейник 1271 г.: (РНБ. Q.п.1.13), Октоих изборн. 1372–1373 гг. (РГАДА. Ф. 381. № 67), Параклитик 1369 г. (ГИМ. Син. № 837) и др.

²⁷ Пользуемся терминологией С.М. Каштанова (подробнее см.: Столярова, Каштанов 2010. С. 85–86).

²⁸ Вычисления производились по максимальным величинам.

²⁹ Ни одна из древнерусских рукописных книг XI–XIII вв., в том числе подвергшиеся нашему исследованию, не сохранилась в своем «родном» переплете. Это значит, что каждый раз при обновлении переплета производилось усечение их полей. Сколько раз менялся переплет, сколько раз и насколько значительно обрезались поля этих рукописей, установить невозможно. Очевидно только то, что первоначальный формат этих кодексов был заведомо большим, чем теперешний.

³⁰ Рассчитывается по минимальным величинам.

Таблица 1

Отношение площади текста («кадра») к площади листа в рукописных книгах XI–XIII вв.

№ п/п	Наименование кодекса	Дата	Место хранения и шифр	№ по СК XI-XIII	Формат, см	Площадь листа, см ²
1	Миняя служ., май (Путьятина миняя)	XI в. (ок. 1100 г.(?))	РНБ. Соф. № 202	21	25,5 × 21,5	548,25
2	Триодь цв.	Кон. XI – нач. XII в.(?) (XI/XII и XIII в. (л. 1-3))	РГАДА. Ф. 381. № 138	49	25 × 19	475
3	Евангелие апракос полн. (Пантелеймоново ев-е)	[1134-1155 г.(?)], (XII или к. XII- н. XIII в.(?))	РНБ. Соф. № 1	146	34 × 27	918
4	Стихирарь мнейн., нотир.	1156-1163	РНБ.Соф. № 384	54	26,5 × 18,5	490,25
5	Миняя служ., сент. – окт.	н. XII в.	РНБ. Соф. № 188	63	24,5 × 21,5	526,75
6	Миняя служ., июнь	XII в.	РНБ. Соф. № 206	92	24,7 × 20,8	513,76
7	Миняя служ., ноябрь, нотир.	XII в.	ГИМ. Син. № 161	81	27,5 × 21,9	602,25
8	Стихирарь минейн., сент. – ф-ль, нотир.	XII в.	РГАДА. Ф. 381. № 152	104	I писец: 18 × 15	270
					II писец: 18 × 15	270
					III писец: 18 × 15	270
9	Полоцкое евангелие	н. XIII в. (или к. XII в.?)	РНБ. Погод. № 12	195	32 × 24	768
10	Стихирарь постн. и цв., нотир.	XIII в.	РНБ. Соф. № 85	316	24 × 19	456

Примечания

- ¹ Соответствует сумме длин сторон двух столбцов с текстом.
- ² С учетом ширины правой ограничительной линии.
- ³ Соответствует сумме длин правого поля и промежутка между двумя ограничительными линиями справа.

Верхнее поле, см	Нижнее поле, см	Левое поле, см	Правое поле, см	Кадр, см	Площадь текста, см ²	Отнош-е площади текста к площади листа
3,3	4,9	2	5,5	17,2×14,6	251,12	2,18
2,5	4,2	1,7	3,5	18×13,5	243	1,9
3,3	5,0	2,4	6,3	25×8,2+25×7,8 ⁴	400	2,295
2	4,7	1,6	2,6+0,6 ² -3,3	19,4×13	252,2	1,9
1,9	3,7	2,2	5,3 ³ (4,5+0,8)	18,7×15,6	291,72	1,8
1,8	4,5	3,4 ⁴ (2,5+0,9)	3,4 ⁵ (2,5+0,9)	18,4×14,1+0,9+0,8	261,14	1,96
2,7	5	2	5,3	19,7×14	275,8	2,18
2,2	3,4	2,2	1,2	12,5×10,3	128,75	2,09
2	4,5	1,6	4,1	10,7×9,2	98,44	2,74
2,4	3,4	3,6	2	12,3×9	110,7	2,4
2,4	4,2	2	5	24,7-2,3×7,2+7,5 ⁶	360,79	2,1
2,9	4,2	3	4,6	16,6×11,3	187,58	2,43

⁴ Соответствует сумме длин левого поля и промежутка между двумя ограничительными линиями слева.

⁵ Соответствует сумме длин правого поля и промежутка между двумя ограничительными линиями справа.

⁶ Складывается из суммы длин обоих столбцов и суммы высот обоих столбцов, за вычетом расстояния между столбцами.

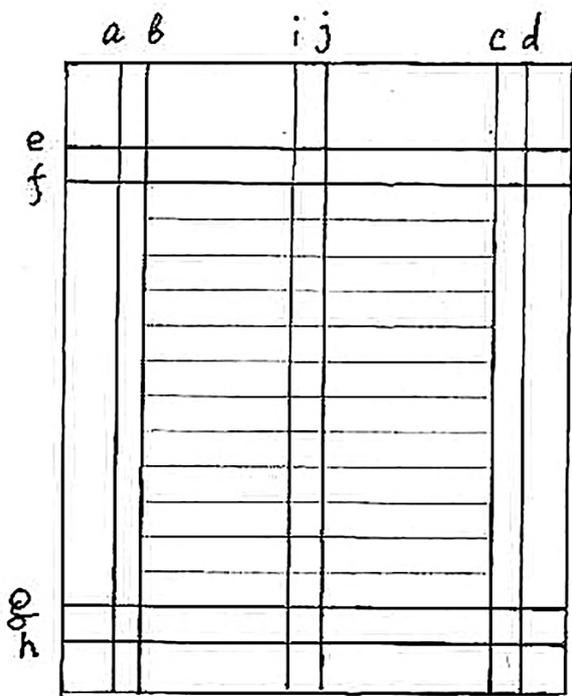

Рис. 3. Схематическое изображение ограничительных линий разлиновки пергаменного листа древнерусских рукописей XI–XIII вв. сверху, снизу, слева и справа³¹

Признаки оформления Мстиславовой грамоты (написана золотом, но не имеет ни одного дополнительного элемента декора – заставок, инициалов и мелких заглавных букв) позволяют предположить, что первоначальный формат листа с текстом Мстиславовой грамоты был еще большим, хотя и незначительно (см. ниже). Характер повреждений пергамента справа свидетельствует о грубом изъятии листа с грамотой из рукописи, а также о том, что первоначально она находилась в кодексе не с лицевой, а с оборотной стороны листа. Не исключено, что остававшаяся чистой лицевая сторона листа

³¹ Авторы вполне отдают себе отчет в том, что представленный в настоящей статье материал не исчерпывает тему, поскольку кодикология древнерусских пергаменных рукописей настоятельно нуждается в полном и систематическом изучении особенностей их разлиновки. Типология разлиновки древнерусских кодексов остается важной и пока не осуществленной задачей.

графически отделяла основной текст кодекса от его «конвоя» – актов и, может быть, записей, касавшихся Юрьева монастыря. Очень вероятно, что под Мстиславовой грамотой располагался еще какой-то ныне утраченный текст или какая-то его часть (вероятно, не очень значительная – не более 4–5 строк), продолженная на следующем листе кодекса. Иначе трудно объяснить, почему печать была помещена не на обширном нижнем поле (всегда самом большом после правого), а едва уместилась в районе последней строки грамоты, деформируя ее текст. Перед текстом грамоты на том же листе также мог помещаться какой-то несохранившийся текст (возможно, заголовок) или какой-то элемент декора (заставка?). Возможно, тексту Мстиславовой грамоты предшествовала какая-то запись, открывавшаяся небольшой заглавной буквой (малым инициалом) или каким-то иным графическим элементом. На это косвенно указывает несколько странное расположение четырехконечного креста перед текстом Мстиславовой грамоты, словно приписанного дополнительно слева, хотя и без признаков участия в письме другого почерка и других чернил³² (т.е. скорее всего синхронного основному тексту). Иными словами, крест как бы выведен за левую границу текста, графически существует несколько вне его, что весьма странно для символической инвокации как структурной части формуляра грамоты.

Символическую инвокацию в виде креста вероятнее всего было бы видеть в районе первой буквы первой строки, а не вне ее. Поэтому мы склонны предположить, что тексты, прежде окружавшие Мстиславову грамоту, открывались аналогичным знаком, написанным слева от них, между первой и второй ограничительными линиями слева. Каждый такой знак был не только частью внутренней формы актов и/или записей (инвокация), но и частью внешней формы листа с расположенными на нем текстами. Обрезание левого поля в дальнейшем производилось по первой (внешней) левой ограничительной линии. Именно слева от текста, в границах ограничительных линий помещались мелкие инициалы рукописных книг³³. Знаки креста, вынесенные

---

³² Точные заключения здесь невозможны вследствие ничтожно малого для исследования графического материала.

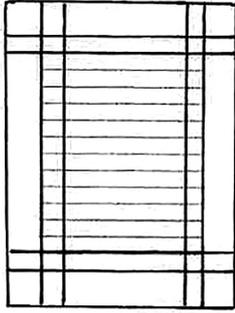
³³ Крупные и средние орнаментированные инициалы обычно располагались между левой ограничительной линией и первыми одной или двумя-тремя (реже – четырьмя-пятью) строчными буквами текста. Иными словами, для инициалов в тексте оставлялось место, что подчеркивало их с текстом графическое единство.

за левую границу текста, имеются при обозначении песен Миней и Минейных стихирарей XII–XIII вв.³⁴ Крест (символическая инвокация) древнерусских актов, сохранившихся в составе рукописных книг, также помещался несколько левее основного текста, в границах, обозначенных ограничительными линиями слева (см., например: Тихомиров, Щепкина 1952. С. 26, 30).

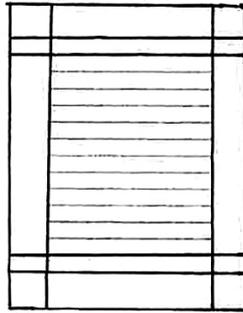
На наш взгляд, косвенным признаком того, что первоначально текст Мстиславовой грамоты находился в окружении каких-то небольших актов или записей, равно как и того, что обрезание листа производилось по внешней границе ограничительных линий слева, справа, снизу и сверху, свидетельствуют нынешние размеры левого и правого полей грамоты.

Из 10 исследованных древнерусских рукописей XI–XIII вв. четыре (таблица 1, № 5–7, 8а, 8б) представляют тип разлиновки (назовем его типом I), в котором верхнее, нижнее, левое и правое поля отграничены от «кадра» с текстом двойными разграничительными линиями (обозначим их литерами ab, cd, ef, gh) в соответствии с наколами. Линии сплошные, пересекающие сверху и снизу левое и правое поле (ef, gh), а слева и справа – верхнее и нижнее поля. Три рукописи (таблица 1, № 1, 4, 10) представляют тип разлиновки II, в котором верхнее и нижнее поля обозначены сверху и снизу двойными сплошными разграничительными линиями, проведенными по предварительно сделанным наколам (ef, gh). Левое и правое поля отделены от «кадра» одинарными сплошными вертикальными линиями (a, d). Листы двух кодексов (таблица 1, № 3, 9) разлинованы под два столбца (ai, jd) с текстом (тип разлиновки III). Тип разлиновки IV, в котором «кадр» отделен от полей сверху и снизу одинарными (eh) сплошными горизонтальными линиями, а слева и справа одинарными (ad) сплошными вертикальными линиями, представлен одной рукописью (таблица 1, № 2). Тип разлиновки V (таблица 1, № 8в) отграничивает левое и правое, верхнее и нижнее поля сплошными двойными линиями, но слева вверху и внизу линии ef, gh не пересекают двойную ограничительную вертикальную линию ab (рис. 4). Наиболее вероятно, что разлиновка рукописи с текстом Мстиславовой грамоты соответствовала типу I. Обрезание полей листа с грамотой осуществлялось по внешней границе верхней, нижней, левой и правой двойной ограничительных линий (рис. 5).

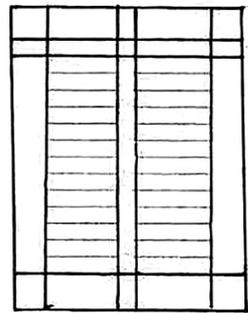
³⁴ См., например: Стихирарь минейный, нотир. 1156–1163 гг. (РНБ. Соф. № 384. Л. 112 об., знак #), Минейя праздничная на февр. – август, 1260 и 1352 гг. (ГИМ. Син. № 895. Л. 57, знак ✕) и др.

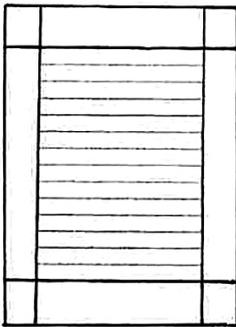
Тип I

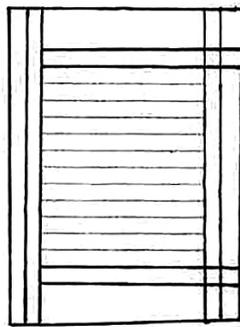
Тип II

Тип III

Тип IV

Тип V

Рис. 4. Типы (I–V) разлиновки древнерусских пергаменных кодексов XI–XII вв.

Мы полагаем, что некоторые данные о первоначальном формате листа с Мстиславовой грамотой можно получить, анализируя интервалы между ограничительными линиями сверху и снизу, а также слева и справа, размеры которых заданы разлиновкой сохранившихся пергаменных кодексов XI–XIII вв. Для этого необходимо сопоставить их между собой и с особенностями разлиновки листа с Мстиславовой грамотой (таблица 2).

Таблица 2

**Расстояния между ограничительными линиями ab, cd, ef, gh, ij
в древнерусских рукописных кодексах XI–XIII вв. (№ 1–10)
и на листе с Мстиславовой грамотой**

	ab	cd	ef	gh	ij
№ 1	–	–	1,1	1,1	–
№ 2	–	–	–	–	–
№ 3	–	–	1,5	1,5	2,3
№ 4	–	0,6	1	1	–
№ 5	0,8	0,8	0,6	0,6	–
№ 6	0,9	0,8	0,8	0,8	–
№ 7	1	1	1,3	1,3	–
№ 8а	–	0,9	1,2	1,2	–
№ 8б	–	0,5	1,2	1,2	–
№ 8в	0,6	0,5	1,2	1,2	–
№ 9	–	–	1,4	1,4	1,1
№ 10	–	–	1,1	1,1	–
Мстиславова грамота	[1]	[1,2]	[0,8–0,9]	[0,8–0,9]	–

Наиболее близкие разлиновке Мстиславовой грамоты показатели демонстрируют промеры интервалов между ограничительными линиями Миней служебных на июнь (РНБ. Соф. № 206, см. таблицу 2, № 6) и ноябрь XII в. (ГИМ. Син. № 161, см. таблицу 2, № 7). Формат этих рукописей в их теперешнем виде – 24,7×20,8 см (№ 6) и 27,5×21,9 см (№ 7). Вероятно, схожим был и первоначальный формат листа с Мстиславовой грамотой, т.е. кодекс, частью которого он некогда был, имел высоту ок. 24,7–27,5 см и основание ок. 20,8–21,9 см. В целом это соответствует данным, выведенным нами из отношения площади текста Мстиславовой грамоты

к площади листа, на котором она написана – не меньше 24×19 см (см. выше).

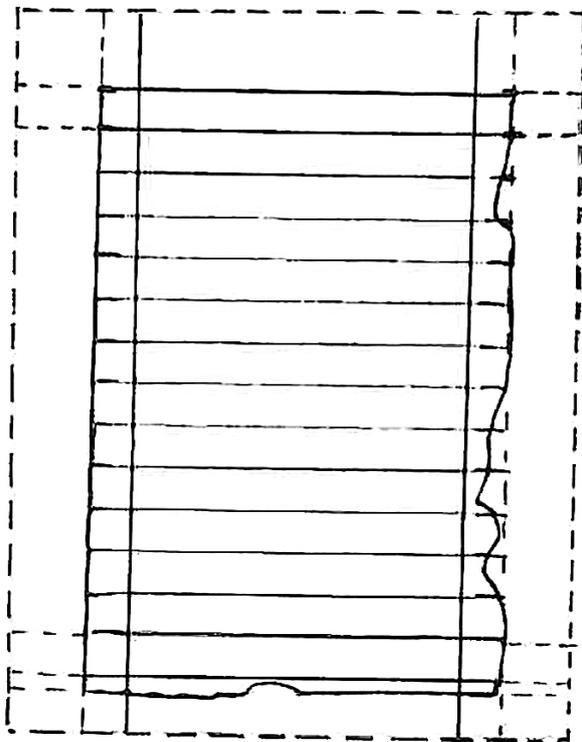
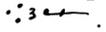

Рис. 5. Реконструкция первоначального (до обрезки) вида левого и правого поля Мстиславовой грамоты

Почерк писца Мстиславовой грамоты

Мстиславова грамота написана уставом XII в. Для написания ее текста писцу потребовались 32 буквы славянского кириллического алфавита: а, б, в, г, д, е, ю, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, х, ѿ, ц, ч, ш, њ, ы, њ, ѣ, ю, ѿ, ѿ. Гласные е, о, ѿ в основном употребляются после согласных; ю, ѿ, ѿ – после гласных и в начале слова. Исключения: донелѣ, осеньнѣю (ю вместо е после согласной; в слове осеньнѣю о вместо ѿ в начале слова); Георгиеви (после и вместо

буквы *ю* написано *е*). Почерк писца грамоты очень стабильный, вариативность в написании одной и той же буквы незначительна. Модуль широких букв – 0,62, узких – 1. Угол наклона – 90–92°. Преимущественно над гласными в начале слога писец употребил надстрочные знаки разных видов: “ ’ е е ”. Над аббревиатурами помещено титло: . В качестве строчного знака употребляется точка. Однократно в конце текста употреблен сложносоставный знак: .

Среднее число знаков в 1–20-й строках текста Мстиславовой грамоты (включая строчной знак в виде точки) – 34. В 21-й строке строке насчитывается 21 буква, а также имеется сложносоставный строчной знак, образованный точкой, точкой с запятой, вертикальной волнистой линией с двойным изгибом и дугой спинкой вниз с точкой посередине. После этого знака – пробел на 7–8 букв.

Таблица 3

Количество графических знаков в строках текста Мстиславовой грамоты

№ строки	Кол-во графич. знаков	№ строки	Кол-во графич. знаков	№ строки	Кол-во графич. знаков
1	36	8	35	15	36
2	34	9	36	16	38
3	33	10	32	17	32
4	35	11	35	18	30
5	35	12	32	19	32
6	36	13	35	20	32
7	34	14	33	21	21+1 сложносоставн. строчн. знак

И.И. Срезневский описал следы сложения листа с текстом Мстиславовой грамоты и показал, что какое-то время грамота хранилась в виде свитка. Ученый указал, что Мстиславова грамота была «согнута по ширине листа в шесть полос так, что всё писанное оставалось внутри свертка» (Срезневский 1860. С. 7). Следы сворачивания листа по горизонтали просматриваются и сейчас под 3-й, 7-й, 11-й, 15-й и 20-й строками, что отмечал и Срезневский (Там же).

Рис. 6. Мстиславова грамота
(фото со следами сложения пергаменного листа в столбец)

Кроме того, что грамота была свернута столбцом по горизонтали, она была согнута «поперек справа налево, на две части почти пополам, и потом левый конец был подвернут на 1/3 долю, а правый пополам» (Там же). И.И. Срезневский предположил, что свернутая таким образом Мстиславова грамота могла быть вложена в футляр «менее квадратного вершка, вышиною не более 1/3 вершка» (Там же)³⁵.

Утраты и повреждения

Пергамен загрязнен, потемнел и коробится по всей площади листа. На лицевой и оборотной сторонах грамоты – пятна воска и мастики. Строка № 20 («...до да соудить кемоу Б(ог)ъ въ д(е)нь пришьстви|...») затерта и читается с трудом. В районе 15–23-й букв строки № 20 текст не только затерт, но и сильно загрязнен. Особенно серьезные повреждения приходятся на 15–17 буквы.

³⁵ 1 вершок = 4,445 см.

Строка № 21 грамоты («...|а своего и ть ст[ьи Геор]гии») испорчена тремя сквозными отверстиями (большим и малыми) в районе 15–18 букв, являющимися следами прикрепления печати при помощи шнура. Здесь же фиксируется горизонтальный разрыв (ок. 10 мм) и складки пергамента, образовавшиеся от незначительной стяжки пергамента шнуром с печатью.

Печать Мстиславовой грамоты

По крайней мере с начала XIX в., когда Мстиславова грамота была обнаружена митрополитом Евгением (Болховитиновым), вместе с нею хранится позолоченный аргировул, состоящий из двух пластинок, между которыми при скреплении плотно зажимался шнур. Такая техника прикрепления печати отлична от техники прикрепления обычных в Древней Руси свинцовых печатей (моллидовулов). Последние оттискивались на специальных болванках со сквозным каналом. При стискивании буллотирием, они зажимались на шнуре сдавливанием. Внутренние стороны погнутых и загрязненных пластинок аргировула Мстиславовой грамоты сохранились со следами мастики. Диаметр печати 3 см (30 мм), серебро 960, общая масса 3,7 г. На аверсе печати изображен Вседержитель, на реверсе – святой в единоборстве со змеем. Шнур, посредством которого была прикреплена печать, утрачен. В.Л. Янин атрибутировал печать кн. Федору-Ярославу Всеволодовичу, доказав, что она не могла принадлежать ни Мстиславу Владимировичу, ни Всеволоду Мстиславичу, буллы которых хорошо известны и несут на себе другие изображения.

Янин предположил, что к Мстиславовой грамоте «...печать была подложена в какой-то поздний момент в силу ее импозантности (аргировул, а не свинцовая булла) взамен оригинальной утраченной, тем более что Ярослав Всеволодович носил крестильное имя Феодор, как и Мстислав Владимирович (святой Феодор изображен на аргировуле)» (Янин 1956. С. 56). Янин допускал также, что печать Ярослава Всеволодовича могла быть присоединена к грамоте Мстислава Владимировича во времена Ивана Грозного, когда возникла угроза секуляризации церковно-монастырских земель (Янин 1970. Т. 2. С. 16–21). Впоследствии Янин пересмотрел это объяснение. Он выдвинул гипотезу, что так могли оформляться архивные копии, выданные владельцам взамен утраченных

оригиналов, и что в первой половине XIII в., в княжение Ярослава Всеволодовича, Мстиславова грамота была скопирована с позднее утраченного оригинала (Янин 2000. С. 159–162; 2004. С. 204). А.А. Гиппиус (2008) подверг Мстиславову грамоту развернутому лексико-орфографическому и палеографическому анализу. Развивая идею Янина о копийном характере грамоты, Гиппиус тем не менее принимает ее традиционную датировку первой половиной XII в. Гиппиус показывает, что структура текста, его орфография и диакритика позволяют говорить о том, что она была переписана с какого-то утраченного оригинала или черновика (Гиппиус 2008. С. 110–123).

Дипломатический формуляр Мстиславовой грамоты

Мстиславова грамота является первым иммунитетным актом на Руси. В этой грамоте киевский в. кн. Мстислав приказывает своему сыну новгородскому князю Всеволоду отдать Юрьеву монастырю «Буице» с данью и другими пошлинами. В самом документе ни Мстислав, ни Всеволод не называются князьями. Интитуляция грамоты Мстислава, являвшегося в момент выдачи документа киевским князем, имеет следующий вид: «Се азъ Мъстиславъ Володимиръ с(ы)нъ, държа Роу|сьскоу землю въ свое кнаженіе». Во второй части грамоты находится еще одна интитуляция: «А се ѿ, Всеволодъ». Наличие двух интитуляций объясняется тем, что пожалование земли и блюда шло от имени Мстислава, князя киевского, а пожалование блюда – от имени его сына Всеволода, князя новгородского. В Мстиславовой грамоте жалователь связывает свое имя с обозначением объекта пожалования при помощи оборота: «повелел есмь... отдати». Этот оборот обусловлен тем, что в протоколе грамоты инскрипция образуется из имени новгородского кн. Всеволода: именно ему («сыну своему Всеволоду») «повелел» отдать Юрьеву монастырю «Буице» и пошлины. В таком построении протокола обнаруживается близость Мстиславовой грамоты к западноевропейским раннесредневековым актам, составленным в форме посланий монарха местным властям (Каштанов 1996. С. 70). Административно-территориальный статус владения, названного только собственным именем – «Буице», в тексте Мстиславовой грамоты не определяется.

От имперской по своему характеру грамоты Мстислава отличаются грамоты Всеволода и Изяслава: здесь инскрипция – это название монастыря («святому Георгию», «святому Пантелеймону»). Имя настоятеля в грамотах Всеволода не фигурирует. В грамоте Мстислава есть обращение к игумену и братии (его можно рассматривать как вторую инскрипцию, стоящую вне протокола) с требованием молить Бога за самого жалователя и его детей. В грамоте Изяслава после вотчинной части говорится: «И устроил есми святому Пантелеймону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия» (Корецкий 1955. С. 204; Семенов 1959. С. 247).

Неразработанность инскрипции в какой-то мере сближает жалованные грамоты с местными княжескими уставами XII в. Отсутствие персонификации в инскрипции говорит о неравноправии контрагентов: игумен – еще не такая политическая фигура, чтобы его имя ставилось рядом с именем князя. Договор, фактически возникающий на почве превращения монастыря в земельного собственника, маскируется видимостью полноты княжеской распорядительной власти, унаследованной от эпохи раннефеодального государства. Интересно, что в непротокольной части имя игумена упоминается в трех грамотах, которые предоставляли не только землю, но и иммунитет, делавший настоятеля органом политической власти.

Во всех четырех грамотах XII в. присутствует санкция. Угрожающая форма санкции (*clause comminatoire*) сводится всюду к перспективе небесной кары (суд перед Богом и св. Георгием или св. Пантелеймоном). В грамоте Мстислава две санкции такого типа, в начальной части текста и в конце: первая – от лица Мстислава, вторая – от объединенного лица Мстислава и Всеволода. В первой санкции упоминается, помимо Бога, Богородица, что, возможно, связано с киевским богородничным культом (княжеская Десятинная церковь в Киеве носила имя Богородицы). Обращает на себя внимание, что в одной грамоте Всеволода есть санкция типа *clause réservative*, утверждающая неподвижность пожалования: «...дал... во веки» (ГВНП. № 80). В грамоте Изяслава, кроме угрожающей санкции, имеется запрещение «вступатися» в пожалованные земли, что близко, но не равно *clause injunctive clause prohibitive* (ГВНП. № 82; Каштанов 1996. С. 70–71). В протоколе Мстиславовой грамоты отсутствует словесная инвокация, однако перед текстом помещена символическая инвокация – четырехконечный крест.

«Буице» Мстиславовой грамоты

Как известно, в литературе существуют расхождения по вопросу о том, к какому типу поселений принадлежало Буице в XII в. В Н1 младшего извода под 1232 г. говорится: «в Буици, селе святого Георгия» (ПСРЛ. Т. 3. С. 280; Янин 1991. С. 135, № 81). Из писцовой книги Деревской пятины 1495–1505 гг. Буице (Буец) предстает как обширная волость, в составе которой насчитывалось 96 деревень вместе «с погостом» и 10 пустых деревень (Новгородские писцовые книги 1862. Т. 2. Стб. 824). В ГВНП Буице названо «селом»³⁶ («вероятно, с опорой на сообщение Новгородской I летописи младшего извода», как предполагает В.Л. Янин [1991. С. 135, № 62]). Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» (1971. С. 68, примеч. 96) полагали, что «правильнее говорить о пожаловании не села, а волости Буйцы». В.Л. Янин также считает, что в ГВНП Буице названо селом «неправомерно... В действительности Буец – обширная волость...» (Янин 1991. С. 135, № 62; см. также: Носов 1994. С. 41–62). «Летописное село “в Буице” – несомненный центр волости, собственно погост», – пишет В.Л. Янин (1991. С. 135, № 62).

Можно согласиться с тем, что упоминаемый в писцовой книге «погост» был более или менее тождествен «селу» Буице, которое фигурирует в летописи. Однако в летописи говорится не «село “в Буице”», как интерпретирует текст В.Л. Янин, а «в Буици, селе святого Георгия», т.е. летопись отождествляет Буице с селом, а не с какой-либо другой более крупной территориальной единицей. Нельзя исключать и того, что монастырская волость Буице возникла в результате постепенного распространения прав монастыря на земли, окружавшие «село» или «погост» Буице.

В «Аграрной истории» приводятся три аргумента в пользу отождествления Буице с «волостью», а не «селом»: 1) в грамоте Мстислава Буице не называется селом; 2) по писцовой книге конца XV в. Юрьеву монастырю принадлежала целая волость Буице; 3) размер пожалованного монастырю полдюда составлял значительную сумму – 25 гривен, «а с одного села такое значительное полдюде вряд ли могло поступать» (Аграрная история 1971. С. 68, примеч. 96). Возможны следующие возражения против этих доводов: 1) в грамоте Мстислава Буице не называется селом, но

³⁶ ГВНП. С. 140, № 81; см. также: Черепнин 1951. С. 114; Каштанов 1988б. С. 6.

оно не называется и волостью; 2) Буице не фигурирует среди новгородских «волостей», перечисляемых в договорных грамотах Новгорода с князьями; 3) между выдачей грамоты и составлением писцовой книги прошло не менее 363 лет, за которые Буице из села могло превратиться в волость; 4) в хронологически более близком к грамоте Мстислава известии Н1, относящемся к 1232 г., когда прошло только 102 года с момента выдачи грамоты, Буице названо селом; 5) вопрос о том, на какую именно территорию распространялось полюдь, неясен (Каштанов 1999. С. 22–23).

«Вено во...кое» Мстиславовой грамоты

Статья о полюдь занимает в грамоте особое место и не связана прямо со статьей о пожаловании Буица. Мстислав приказывает «отдати Буице святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и с продажами». К этому перечню пошлин между строками 4-й и 5-й (над буквами 9–18 строки № 5) другим почерком сусальным золотом сделана вставка «и вено во...кое», приписанная к перечню пошлин, взимаемых с Буица. В настоящее время золото надписи почти полностью осыпалось, и она практически утрачена. Вероятно, дополнение «вено во...кое» было сделано уже в монастыре после получения грамоты и не может свидетельствовать о концепции составителя грамоты. Полустертое слово «во...кое» читается разными исследователями по-разному: либо как «вотское» (И.А. Ермолаев), либо как «волочкое» или «волоцкое» (И.И. Срезневский). По свидетельству В.Л. Янина, «фотосъемка документа в разных режимах не дает оснований ни предпочесть одно из этих чтений, ни предложить иное чтение» (Янин 1991. С. 135–136, № 62). Список пошлин, сбор которых переходит в руки монастыря, подкреплен в грамоте угрозой против нарушителей монастырских прав. Затем следует обращение Мстислава к игумену (Исайе) с требованием молиться за князя и его детей. И лишь после этого фиксируется право монастыря на сбор осеннего полюдь: «А язъ даль роукою своею. И осенньне полюдиє даровньне полътретиа десате гривнь с(вя)т(о)му же Георгиеви».

В литературе не придавалось значения наблюдавшейся в грамоте Мстислава отделенности дани и судебных пошлин от полюдь. Так, Л.В. Черепнин вообще не упоминает полюдь,

говоря только о получении монастырем права на сбор дани, вир, продаж и «вена вотского». Эти «судебные и податные привилегии» рассматриваются автором как иммунитет, основанный на праве земельной собственности: «Феодальная собственность на землю непосредственно влечет за собой судебные и податные привилегии...»; «собственность на землю подразумевает подсудность и подведомственность в податном отношении феодалу населения этой территории» (Черепнин 1951. С. 114, ср. с. 113).

Несколько иначе подходят к толкованию грамоты Мстислава авторы «Аграрной истории». Они ставят полюдье в один ряд с данью: «Мстислав передает Юрьеву монастырю не только часть своих доходов от дани, полюдья, вир и продаж, но и право их сбора на территории волости Буйцы. А таковой переход права сбора повинностей и суда (виры и продажи являлись судебными пошлинами) давал возможность для превращения черных земель в феодальную собственность...»; «...грамота на Буйцы представляет нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли, причем мы можем заметить, как монастырь превращает первое во второе...». Авторы находят в грамоте «черты, которые связывали пожалование Буец с кормлением» (Аграрная история 1971. С. 68).

Мысль о пожаловании Юрьеву монастырю кормления кажется нам плодотворной, однако едва ли можно видеть кормление во всем комплексе прав, закрепленных за монастырем. На наш взгляд, близким к кормлению было право на сбор полюдья, причем это полюдье собиралось, по-видимому, с территории более обширной, чем погост или село Буице. Право на полюдье, полученное монастырем, точнее может быть квалифицировано как бан. *Bannus* или *bannum* – термин, довольно широко применявшийся в средневековой латыни в разных значениях (Niermeyer 1976. P. 81–84; Blaise 1975. P. 94–95). Он принят и в историографии, особенно немецкой (*der Bann*) (Sanders 1860. Bd. 1. S. 80–81; Stengel 1910. S. 556), где под ним подразумевается предоставляемое тому или иному юридическому или физическому лицу право на сбор определенного вида пошлины или пошлин с территории, не являющейся собственностью этого лица, но часто (хотя и не всегда) соседствующей с ней. Сходство бана с кормлением состоит в том, что пользователь бана, как и кормленщик, – не собственник эксплуатируемой территории. Однако бан отличается от кормления тем, что его пользователь – не слуга князя: он действует не

как звено государственного аппарата управления, а как некое формальное независимое от князя учреждение, например, церковь или монастырь.

Пожалование Юрьеву монастырю осеннего полюдя одновременно с пожалованием села Буице может пониматься в том смысле, что Буице должно было служить монастырю опорным пунктом для сбора полюдя не только и не столько с обитателей села, сколько со всего окрестного населения, которое не превращалось от этого в монастырских подданных, по крайней мере сразу. Отсутствие в грамоте указания на границы того податного округа, с которого монастырь мог собирать полюдь (если не считать им село Буице), компенсировалось фиксацией минимальной суммы сбора – 25 гривен. Эта сумма и служила косвенным обозначением примерного поля деятельности и численности населения, подведомственного монастырю в отношении уплаты осеннего полюдя. Сходного мнения придерживался Я.Н. Щапов (1989. С. 152–153; ср.: Носов 1994. С. 42, примеч. 4).

Если полюдь, равно как и серебряное блюдо, пожалованное монастырю князем Всеволодом в той же грамоте, не выступает в качестве непосредственного атрибута собственности на землю, то дань, виры и продажи передаются вместе с селом. Трудно согласиться с мнением авторов «Аграрной истории» о том, что «грамота на Буйцы представляет нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли». Земля и право на дань предоставляются тут одновременно. Мы бы не стали говорить также, что «пожалование дани» превращает сделку в «передачу земли». Пожалование земли влечет за собой пожалование дани и судебных пошлин. Недаром среди объектов пожалования на первом месте в грамоте стоит земля (Буице), а на втором – дань. Но пожалование дани не было автоматическим следствием пожалования земли. Пожалование дани всегда требовало особой фиксации в грамоте. Таким образом, в грамоте Мстислава различаются, с одной стороны, податной и судебный иммунитет, непосредственно связанный с владением землей Буице (право монастыря на сбор дани, вир, продаж), а с другой стороны, бан (право на сбор осеннего полюдя – возможно, в пределах, но скорее всего, за пределами села Буице).

«Вено» известно как выкуп жениха за невесту. В качестве пошлины, идущей не родственникам невесты, а третьей стороне (в данном случае Юрьеву монастырю), вено фигурирует в грамоте Мстислава впервые. В позднейших жалованных грамотах термин

«вено» не употребляется. Свадебные пошлины, освобождение от которых начало включаться в жалованные грамоты с середины XV в., носят другие названия: «новоженное», «новоженная куница», «выводная куница», «убрусное», «свадебное», «розвинское» и т.п. (Каштанов 1959. С. 106–121; 1988б. С. 86–89; 1999. С. 25). Таким образом, упоминание вена как пошлины в Мстиславовой грамоте уникально. Не менее уникально и то, что термин «вено» соединен в грамоте с прилагательным, определяющим территорию, с населения которой взималась эта пошлина: «во...кое». В жалованных грамотах XV в. и более поздних названия свадебных пошлин не сопровождаются географическими пояснениями. Географическая характеристика вена в грамоте Мстислава служит явным признаком ошибочности интерпретации текста как группой А.И. Ермолаева – А.Н. Оленина, так и И.И. Срезневским и является показателем того, что речь идет о пошлине, взимавшейся не с села Буице, а с какой-то другой территории (Каштанов 2014. С. 85–86).

Из двух возможных чтений полустертого слова, указывающего на район взимания вена, – «вотское» и «волоцкое» – мы выбираем последнее, считая его более логичным в применении к Юрьеву монастырю и к селу Буице. Юрьев монастырь, расположенный вне Новгорода, южнее р. Волхов, к северу от которого лежала Вотская пятина, едва ли мог осуществлять в этом районе сбор вена. Позднейшая волость Буицы находилась на юго-западе Деревской пятины. Отсюда открывались пути в Северо-Восточную Русь, в том числе на Волок Ламский, который, как известно из договорных грамот XIII–XV вв., управлялся совместно Новгородом и великими князьями. В середине 1330-х гг. Юрьев монастырь получил от Ивана Калиты жалованную грамоту на владения на Волоке Ламском (ГВНП. С. 143, № 86; см. также: Каштанов 1999. С. 25). Л.В. Черепнин датировал ее 1335–1337 гг., В.Л. Янин – 1335 г. (Черепнин 1951. С. 116; Янин 1991. С. 164, № 84; см. также: Каштанов 1999. С. 25).

Когда Юрьев монастырь укрепился в районе Волока, точно неизвестно. Не установлена и более или менее точная дата приписки о вене в грамоте Мстислава. Если она была сделана не в XIV, а в XII в., это может свидетельствовать о том, что уже тогда монастырь стремился распространить свое влияние за Волок. Право сбора вена вне территории собственно Буице, т.е. вне монастырской вотчины, представляло собой

привилегию типа бана, а не разновидность иммунитета. В грамоте вено приписано к перечню судебных пошлин с земли Буице и тем самым как бы включено в состав иммунитетных прав. Мстислав «повелелъ» отдать Буице Юрьеву монастырю, не спрашивая на это ничего согласия³⁷. Вероятно, Мстислав отдал монастырю село, на которое имел определенные права собственности. С точки зрения теории права более правильным было бы поместить вено рядом с полюдьем, взимавшимся, по-видимому, тоже вне монастырской территории, но интерполяция, само собой разумеется, преследовала не научные, а практические цели, да и стилистически приписка больше подходила к перечню пошлин, чем к отдельной статье о полудье. Соединение в одной грамоте различных видов пожалования (земли, иммунитета и бана киевским великим князем и только движимого имущества – блюда – новгородским князем) показывает, что с самого начала иммунитетной политики на Руси иммунитет мог фиксироваться в актах, которые наряду с иммунитетом предоставляли и другие права и привилегии.

Разница в формулировке иммунитетных норм в грамотах Мстислава и Изяслава объясняется разницей местоположения объектов пожалования и различием политической обстановки и объема княжеских прав в отношении Новгородской земли в 1130 и 1148 гг. Село Буице находилось на южной границе Новгородской земли, в довольно пустынном районе, где, по-видимому, еще не было постоянной администрации. Поэтому монастырь приобретал вместе с иммунитетными правами роль своего рода местной власти, ведающей не только монастырскими людьми, но и в какой-то мере населением более обширной округи. Село Витославлицы, пожалованное Изяславом Пантелеймонову монастырю, напротив, было расположено поблизости от Новгорода. Его окружали земли, которые, может быть, довольно часто посещались представителями республиканской, княжеской и епископской администрации. Грамота Изяслава, кстати, является первым княжеским актом на Руси, освобождающим монастырских людей от тягловой подведомственности епископу. В дальнейшем это направление иммунитетной политики не получило сколько-нибудь заметного развития в княжеских актах. Мстислав выдавал грамоту в Киеве (куда к нему приехал сын

---

³⁷ Обращает на себя внимание, что в грамоте Изяслава князь «по благословению епискупа Нифонта испрошал... у Новгорода святому Пантелеймону землю село Витославлицы...» (об этом см.: Каштанов 1999. С. 28).

Всеволод), обладая значительной полнотой власти в отношении Новгорода; Изяслав выдавал грамоту в Новгороде в условиях, когда княжеские права в Новгородской земле были сильно ограничены по сравнению с временами Мстислава и Всеволода.

О происхождении сохранившегося экземпляра Мстиславовой грамоты

Как уже было сказано выше, мы полагаем, что внешние признаки грамоты Мстислава во всей их совокупности позволяют предположить, что сохранившийся ее экземпляр принадлежал Юрьеву монастырю и, вероятно, был скопирован с другого экземпляра той же грамоты, принадлежавшего либо в. кн. Мстиславу Владимировичу, либо его юридическому соавтору кн. Всеволоду Мстиславичу, т.е. является одним из подлинников этого акта. Однако Юрьевский экземпляр грамоты Мстислава был вписан в пергаменный кодекс (возможно, Евангелие), принадлежавший этому монастырю. Примеры помещения в рукописных кодексах земельных актов, а также записей летописного характера, касающихся той или иной духовной корпорации, хорошо известны³⁸. Не исключено, что в этот кодекс были вписаны (сверху и снизу от грамоты Мстислава) и другие тексты или грамоты, касавшиеся Юрьева монастыря. Это объясняет отсутствие верхнего и нижнего полей Мстиславовой грамоты к моменту изъятия ее из кодекса, притом что письмо и разлиновка выдают ее явно книжное, а не канцелярское происхождение.

Деформирующее текст прикрепление печати, не характерное для грамот, сохранившихся с буллами или без них, но со следами первоначального присутствия печати, свидетельствует о том, что позолоченного аргировула первоначально при грамоте Мстислава не только не было, но и не могло быть. То, что сохранившийся экземпляр Мстиславовой грамоты некогда был изъят из кодекса, в котором первоначально находился, подтверждают и следы обреза его со всех четырех сторон практически без оставления полей.

---

³⁸ ИРЛИ. Р. IV, оп. 25, № 30. Л. 1; РНБ. Ф. п.1.17. Л. 1 об., 2; РНБ. Q.п.1.2. Л. 82, 82 об.; РНБ. Погод. № 12. Л. 35 об., 128 об., Сводный каталог 2002. С. 281; ПГ. Т. 1. С. VI, VII, LX–LXI, LXIII (акты); Столярова 2000. С. 562–568; Гимон 2012. С. 291–292 (записи на книгах летописного характера); и др.

В какой момент Мстиславова грамота была выделена из кодекса и когда получила позолоченный аргировул кн. Федора-Ярослава Всеволодовича, не ясно. А.А. Гиппиус предположил, что печать появилась при грамоте одновременно с припиской «вено во...кое» в связи с событиями 1232 г. в Новгороде (Гиппиус 2008. С. 122–128). Однако нам представляется, что сворачивание листа с грамотой в свиток, прикрепление к нему аргировула и помещение свитка в футляр – события значительно более поздние, вероятно, связанные с деятельностью архивистов конца XVIII в.

Эти манипуляции были сделаны вполне в духе времени. В конце XVIII – начале XIX в. нередко производились изъятия отдельных листов и целых тетрадей из подлинных рукописей. Зачастую хищения фрагментов рукописей делались их собирателями, исследователями и публикаторами для пополнения собственных коллекций или на продажу антикварам. Подвизались на этой ниве выдающийся знаток греческих рукописей профессор Х-Ф. фон Маттеи (1744–1811), обер-прокурор Святейшего Синода и собиратель российских древностей граф А.И. Мусин-Пушкин (1744–1817) (Зимин 2006. С. 357; см. также С. 354–356), коллекционер и фальсификатор А.И. Сулакадзев (1771–1829) и др. Беззастенчивые изъятия листов из подлинных древнерусских рукописей производились и позднее. Например, они были свойственны практике даже такого выдающегося исследователя и археографа, как П.М. Строев (1796–1876) (Каштанов 1970б. С. 265–266, 338–340). Не исключено, что изъятия листов и целых тетрадей из кодексов производились не только из соображений коммерции или из тщеславия коллекционеров, но и с исследовательскими целями, ибо нравственные аспекты исторической науки в то время еще только формировались. Лист с текстом Мстиславовой грамоты был удален из содержавшего его кодекса до начала XIX в., когда Мстиславова грамоту среди бумаг Юрьева монастыря впервые увидел, а затем опубликовал митрополит Евгений (Болховитинов) (Евгений 1818. С. 202–203; также см.: Евгений 1826. С. 6–7). Знакомство Евгения с Мстиславовой грамотой произошло, вероятно, в 1804–1808 гг., когда он, будучи епископом Старорусским и викарием Новгородским, приступил к разбору архивов новгородских монастырей. К этому времени грамота уже была с печатью и хранилась, как предполагал И.И. Срезневский, в виде свитка в специальном чехле.

Полагаем, что время изъятия листа Мстиславовой грамоты из содержавшего его кодекса можно уточнить. Как известно, в последние годы своего царствования императрица Екатерина II была увлечена изучением истории и стремилась к целенаправленному выявлению остатков российских древностей в монастырских собраниях. Пик ее интереса пришелся, согласно дневнику А.В. Храповицкого, на сентябрь – ноябрь 1791 г. (Дневник 1901. С. 223; см. также: Зимин 2006. С. 352, примеч. 93). В июне – сентябре 1791 г. Екатерина занималась историей Новгорода и составляла раздел об Александре Невском для «Заметок касательно Российской истории» (Зимин 2006. С. 352; см. также: Бегунов 1965. С. 149). В том же 1791 г. Екатерина распорядилась выявить и отправить в Святейший Синод рукописи исторического содержания из разных монастырей России. Распоряжение касалось в первую очередь «летописцев». По мере обнаружения, их надлежало вносить в специальные реестры и «доставлять на рассмотрение синодальному господину обер-прокурору и кавалеру (А.И. Мусину-Пушкину. – *С.К., Л.С.*) и что от него приказано будет, по тому и поступать» (подробнее см.: Зимин 2006. С. 352–353). Как известно, в 1791 г. в Синод были доставлены отнюдь не одни только летописи. Так, из Андроникова монастыря поступили Дионисий Ареопagit и Цветник, «Звезда пресветлая» – из Макарьевского Желтоводского монастыря, из Синодальной конторы – «История Ветхого Завета с исчислениями» и Кормчая и пр. (Там же. С. 352). Несомненно, что над выявлением рукописей, которые следовало переправить в Синод по указу 1791 г., работали и в новгородском Юрьевом монастыре. В это время архимандричью кафедру в нём занимал Ириней Клементьевский (1788–1792 гг.), высокообразованный любитель и большой знаток российских древностей, с 1788 г. состоявший членом Святейшего Синода и бывший членом Российской Академии наук. Не исключено, что написанную золотом Мстиславову грамоту архим. Ириней готовился поднести лично увлеченной историей императрице. Именно с этой целью лист с грамотой мог быть выделен из несущего его кодекса и обрезан по границам полей, обозначенным разлиновкой. К листу с текстом Мстиславовой грамоты был привешен позолоченный аргировул кн. Ярослава Всеволодовича, что, безусловно, придало ему помпезности и добавило недостающей выразительности. Грамота была заключена в специально

изготовленный для нее чехол. С усеченными полями, свернутый в столбец, лист с Мстиславовой грамотой приобрел форму, более соответствовавшую, с точки зрения лица, проделавшего всю эту работу, его содержанию. Почему архимандрит Ириней в конечном итоге отказался от посылки Мстиславовой грамоты в Петербург и решил придержать ее в своей обители – не ясно. Возможно, до него дошли слухи о том, что часть поступивших из монастырей в Синод рукописей безвозвратно осела в библиотеке А.И. Мусина-Пушкина (Там же. С. 354). Возможно, к посылке в столицу в Юрьевом монастыре были приготовлены какие-то иные рукописи. В любом случае, признаки книжного происхождения Мстиславовой грамоты оказались нарочито сглажены приданием ей черт, свойственных актовой письменности. Именно в таком виде в бумагах Юрьева монастыря нашел Мстиславова грамоту митрополит Евгений (Болховитинов).

Итак, мы попытались показать, что палеографические особенности Мстиславовой грамоты в том виде, в каком она дошла до нашего времени, безусловно, являясь подлинником, противоречат друг другу. Внешние признаки формы грамоты (характер письма, разлиновки, способ обрезки и даже особенности деформации пергаменного листа) свидетельствуют не о канцелярском, а о книжном ее происхождении. Почерк грамоты, техника ее письма и лексико-орфографические особенности не оставляют сомнения, что это памятник первой половины XII в., вероятно, списанный с какого-то ныне утраченного оригинала (Гиппиус 2008. С. 110–123) и являющийся внеканцелярской книжной копией его. Копия, скорее всего, специально была сделана для новгородского Юрьева монастыря в одной из принадлежавших ему книг. Самый текст грамоты (его структура и содержание) не позволяют сомневаться в том, что это, во-первых, не фальсификат и, во-вторых, продукт ранней (доканцелярской) практики документирования в Древней Руси второй четверти XII в.

При этом следует понимать, что отсутствие в России X–XVI вв. «канцелярий» в западном смысле слова – специальных государственных учреждений с определенным штатом и иерархией чинов, в котором осуществлялось документирование, обрекает историка не столько на изучение механизма работы канцелярии-учреждения, сколько на исследование особенностей внешней и внутренней формы документов, являвшихся продуктом делопроизводства «протоканцелярского» периода, а точнее – на формулярный анализ

(Каштанов 2014. С. 6–12). Отсутствие на Руси вплоть до второй половины XVI в. канцелярий европейского типа сделало возможным рождение актовой документации в скрипториях и позволяет говорить о внеканцелярской практике составления древнерусского акта по крайней мере на начальных этапах его истории. Известны еще по крайней мере четыре сохранившихся пергаменных акта, составленные книжным писцом. Имеем в виду договоры Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг.³⁹, которые, как показал А.А. Гиппиус, были написаны Тимофеем – писцом Лобковского пролога, второй части Софийского пролога и Апокалипсиса Никольского (Гиппиус 1997. С. 8–9). Многочисленные признаки «книжного» происхождения обнаруживает и жалованная грамота в.кн. Рязанского Ольгову монастырю ок. 1371–1372 гг. (Черепнин 1951. С. 129; Сёмина 2014. С. 267–268). Таким образом, даже более чем через 240 лет после Мстиславовой грамоты, практика взаимодействия книжного и актового письма, когда составление грамоты требовало обращения в действующий скрипторий, была вполне жизнеспособна.

В заключение отметим некоторые черты сходства и различия ранних иммунитетных грамот, выданных русским монастырям, и меровингских дипломов (подробнее см.: Каштанов 1999. С. 21–45). Во-первых, и те, и другие акты выдавались от имени правящего государя (короля во Франкском государстве, великого князя на Руси). Наделение монастыря иммунитетными привилегиями предстает как прерогатива верховной власти. Во-вторых, ранние освобождения касаются и тут, и там налогов, связанных с землевладением монастырей. Пожалование таможенных привилегий начинает практиковаться в обоих регионах позже (на Руси – лишь с XIV в.). В третьих, грамоты великих князей в некоторых случаях содержат, как и западные дипломы, статьи о защите настоятеля монастыря и монастыря в целом. В отличие от западных актов русские не предоставляют монастырской братии права самостоятельного выбора настоятеля. Правда, в них нет и запрещения его выбирать. Князья стараются присвоить себе роль ктиторов, учредителей той или иной духовной корпорации, создавая этим предпосылки для вмешательства и в будущем в решение вопроса о назначении нового настоятеля.

---

³⁹ Два проекта договорной грамоты Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1264 г. и договорная грамота Новгорода с кн. Ярославом Ярославичем 1268 г. – см.: Янин 1991. С. 142–146, № 67–68; С. 147–150, № 70.

[1130]. – [Киевский в. кн.] Мстислав Владимирович; его сын [кн.] Всеволод Мстиславич. [Жалованная] данная Юрьеву м-рю на Буице, с пошлинами.

+ Се азъ¹ Мьстиславъ^{1,2} Володимиръ³ с(ы)нъ⁴, държа⁵ Роу|сьскоу⁶ землю, въ своѣ⁷ княжение повелѣлъ⁸ є|смь⁹ с(ы)ноу своѣмоу Всеволодоу¹⁰ ѿдати¹¹ [Боуи]|цѣ¹² с(вя)т(о)моу Георгиеви съ данию, и съ вирами¹³, и съ продажами, [и¹⁴ вено во.коє]¹⁴. Даже которыи¹⁵ князь¹⁶ по моѣмъ кнѣ|жению¹⁷ почьнетъ¹⁸ хотѣти¹⁹ ѿтъати²⁰ оу с(вя)т(о)го²¹ Георги|[я²², а²²] Б(ог)ъ боуди²² за тѣмъ и с(вя)таѣ²³ Б(огороди)ца и тѣ с(вя)тыи Геѿ|ргии²⁴ оу него то ѿнимають. И ты, игумене²⁵ [Исаие]²⁵, и вы, братиѣ, донѣлъ²⁶ же²⁷ сѧ миръ състоить²⁸, молитѣ²⁹ Б(ог)а³⁰ за ма³¹ и за моѣ³² дѣти³². Кто сѧ изоѿста|нетъ³³ въ³⁴ манастири³⁴, то вы³⁵ тѣмъ³⁶ дължны³⁷ є|сте молити³⁸ за ны³⁹ Б(ог)а и при⁴⁰ животѣ⁴¹ и въ сьмь|рти⁴². А⁴³ ѧзь далъ роукою⁴⁴ своєю⁴⁴. И осеньнне⁴⁵ по|людие⁴⁵ даровноѣ полѣтретиѧ⁴⁶ десѧте⁴⁷ гри|внь⁴⁸ с(вя)т(о)моу⁴⁹ же⁵⁰ Георгиеви⁵¹.

А⁵² се ѧ, Всеволодъ⁵² да|лъ⁵³ єсмь⁵⁴ блюдо⁵⁵ серебряно⁵⁵ въ⁵⁶ 30⁵⁷ гри|в(е)нъ⁵⁸ серебра⁵⁹ | с(вя)т(о)моу⁶⁰ же⁶¹ Георгиеви⁶¹, велѣлъ⁶² єсмь⁶³ бити въ | нѣ на обѣдѣ⁶⁴, коли игоу[ме]⁶⁵ обѣдають⁶⁶. | Да же кто запѣртитъ⁶⁷ или⁶⁸ тоу⁶⁹ дань⁶⁹ и⁷⁰ се⁷⁰ блю|до⁷¹, да соудитъ ємоу⁷² Б(ог)ъ въ д(е)нъ пришьстви|ѧ^{71, 72} с[воєго и тѣ с(вя)тыи Георгии⁷³].

Подл.: ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12.

Печать: Д 30 мм, серебро 960, общая масса 3,7 гр. По нижнему краю пергаменного листа в центре три сквозных отверстия от шнура, горизонтальный разрыв (10 мм) и складки (следы прикрепления печати). Металл, из которого изготовлены пластины печати, потерт, погнут, потемнел, с оборотной стороны – следы мастики. Шнур утрачен.

Публ. текста: Евгений 1818. С. 202–203; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археграфической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 2; Евгений 1826. С. 6–7; Срезневский 1859–1860. Т. 8. С. 338; Макарий 1861. С. 8; Срезневский 1861–1863. Т. 10. С. 498; Срезневский 1863. С. 28; Маркс 1914. С. 4; Сахаров 1891. № 1; Иванов 1844. С. 1, табл. 1; ГВНП. С. 140–141, № 81; Ильинский 2000. С. 341–343; Гипшиус 2008. С. 126.

Публ. печати: Лихачёв 1928. Вып. 1. С. 16; Янин 1956. С. 42–48; 1970. Т. 2. С. 16–21.

Примечания: ¹⁻¹ Правая сторона з и ъ и последующая буква м под небольшим неярким пятном бурого цвета. ² Первая с повреждена пятном сероголубого цвета. ³ Ими слегка затерто. ⁴ Перекладина и правая сторона н повреждены пятном сероголубого цвета. ⁵ Жа затерто. ⁶ Със и левая сторона к затерты; низ о поврежден небольшим бурым пятном. ⁷ Левая сторона о слегка затерта. ⁸ Мачта ъ затерта и повреждена пятном сероголубого цвета. ⁹ Верх ь слегка затерт. ¹⁰ Вол затерто, читается неотчетливо. ¹¹ Верх д под сероголубым пятном. ¹² Буквы бо затерты, читаются неотчетливо; далее две буквы полностью стерты и не читаются; одна из стертых букв – у – добавлена в квадратных скобках по смыслу и предшествующим публикациям; еще одна буква испорчена большим сероватым пятном, полностью стерта и не читается. ¹³ Ми слегка затерто. ¹⁴⁻¹⁴ Написано над строкой другим почерком; в настоящее время почти полностью стерлось и не читается; в квадратных скобках добавлено по предшествующим публикациям. ¹⁵ Палка ы слегка затерта и сверху слева повреждена небольшой чернильной точкой. ¹⁶ Левая сторона к слегка затерта. ¹⁷ К внизу слегка затерта. ¹⁸ Е как будто слегка подправлена сверху теми же чернилами; т затерта. ¹⁹ Чернила на тѣти немного осыпались. ²¹ Чернила на го слегка осыпались. ²²⁻²² Буква и слегка затерта; следующие за ней буквы полностью затерты и уничтожены бурым пятном; в кв. скобках добавлено по смыслу и предшествующим публикациям. ²³ И затерта. ²⁴ Буквы гии затерты. ²⁵ Буквы не затерты; далее три буквы полностью затерты и скрыты пятном бурой жидкости; далее две буквы полностью стерты, в кв. скобках добавлено по предшествующим публикациям. ²⁶ Верх л поврежден черным чернильным пятном. ²⁷ Буква ж слегка затерта. ²⁸ Левая сторона крыши т повреждена небольшим чернильным пятном; о слегка затерта. ²⁹ Моли слегка затерто. ³⁰ Ба затерто; левая сторона верхней части а повреждена небольшим черным чернильным пятном. ³¹ Верх правой стороны м поврежден небольшим черным чернильным пятном. ³²⁻³² Буквы ъ, д и верх правой стороны и повреждены небольшим чернильным пятном. ³³ Буквы оо затерты; чернила на ста облетели; неть затерто, палка т слегка подпорчена черным чернильным пятном. ³⁴⁻³⁴ Въ манас слегка затерто. ³⁵ Правая сторона ы затерта. ³⁶ Буква т затерта. ³⁷ Буквы жьн повреждены сверху небольшими черными чернильными пятнами. ³⁸ Середина левой стороны м повреждена небольшим черным чернильным пятном. ³⁹ Верх левой стороны н поврежден небольшим черным чернильным пятном. ⁴⁰ Буква и затерта. ⁴¹ Правая сторона в затерта. ⁴² Верх правой стороны м полусмыт сероголубым пятном жидкости; буквы рти слегка затерты. ⁴³ Буква а слегка затерта. ⁴⁴⁻⁴⁴ Оуюко своєю затерто; буква с повреждена вертикальной

складкой пергамена. ⁴⁵⁻⁴⁵ Сеньниею полудием слегка затерто. ⁴⁶ Польтр затерто; левая сторона ъ повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁴⁷ Буквы еса слегка затерты. ⁴⁸ Р слегка затерто; ив почти полностью смыто пятном светлобурого цвета. ⁴⁹ Стмоу затерто. ⁵⁰ Буквы же слегка затерты. ⁵¹ Георгиеви затерто. ⁵²⁻⁵² Низ букв а, с, е и низ левой стороны ꙗ затерты; буквы се, лодь почти полностью стерлись. ⁵³ Буквы да затерты; лъ дописано на левом поле и слегка затерто. ⁵⁴ Буквы юс затерты; верх м поврежден светлобурым пятном. ⁵⁵⁻⁵⁵ Буквы ба затерты; л повреждена небольшой вертикальной складкой пергамена; буква д затерта; чернила на серебряно почти полностью осыпались. ⁵⁶ Буквы въ затерты и почти не читаются; правая сторона в повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁵⁷ Число л и знак титла над ним почти полностью стерлись и читаются неотчетливо. ⁵⁸ Грвнъ затерто. ⁵⁹ Се затерто; правая сторона р сверху повреждена небольшим чернильным пятном. ⁶⁰ Буквы ст, о сильно затерты. ⁶¹⁻⁶¹ Же ге затерты; гиеви почти полностью стерлись и читаются неотчетливо. ⁶² Буквы елѣ почти полностью смыты и едва читаются; буква е повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁶³ Левая верхняя сторона ю почти полностью стерлась. ⁶⁴ Буквы обѣдѣ слегка затерты; левая верхняя сторона б повреждена небольшим черным чернильным пятном. ⁶⁵ Игоу затерто; далее две буквы почти полностью смыты и не читаются; в кв. скобках добавлено по предшествующим публикациям; буквы нъ затерты. Правая сторона у повреждена вертикальной складкой пергамена. ⁶⁶ Буквы обѣд затерты; буква ь сильно затерта. ⁶⁷⁻⁶⁷ Буквы д, е, кто за сильно затерты; правая сторона п повреждена небольшим отверстием в пергамене; тить сильно затерто. ⁶⁸ Между первой и и л вертикальная складка пергамена; буквы или затерты. ⁶⁹⁻⁶⁹ Тоу дань затерто. ⁷⁰⁻⁷⁰ И, се затерто. ⁷¹⁻⁷¹ Строка со слов до да до пришьстви затерта и читается с трудом. ⁷²⁻⁷² Текст у бѣ въ днь п сильно загрязнен и читается неотчетливо. ⁷³ Буквы Геор повреждены тремя сквозными отверстиями (одним большим и двумя малыми) – следами прикрепления печати при помощи шнура.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. / рук. авторского коллектива А.Л. Шапиро. Л., 1971.
 Апракос Мстислава Великого / под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
 Баженов Н. Казанская история. Казань, 1847. Ч. 2.

- Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской Земли». М.; Л., 1965.
- Гавриил.* Историческое описание Казанского Успенского второклассного Зилантова монастыря. Казань, 1840.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гиттиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиттиус А.А.* Загадки Мстиславовой грамоты // *Miscellanea Slavica*: сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 109–129.
- Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901.
- Добиаш-Рожественская О.А.* История письма в средние века. М., 1987.
- Евгений (Болховитинов), митроп.* Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы. 1818. № 15–16. С. 202–203.
- Евгений (Болховитинов), митроп.* Примечания на грамоту великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю // Тр. и зап. О-ва и истории и древностей российских, учрежденного при Московском ун-те. 1826. Ч. 3, кн. I. С. 6–7.
- Ермолаев И.П.* Казанский край во второй половине XVI–XVII вв. (хронологический перечень документов). Казань, 1980.
- Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006.
- Иванов П.* Сб. палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданных для воспитанников Межевого ведомства. М., 1844.
- Изборник Святослава 1073 г. / факсимильное изд. под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1.
- Ильинский Г.А.* Юрьевская грамота 1130 г. // ЛИИРЯ, 2000. М., 2000. С. 321–356.
- История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
- Каишанов С.М.* К проблемам происхождения феодального иммунитета // Науч. докл. высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 4. С. 106–121.
- Каишанов С.М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть вторая // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 129–200.
- Каишанов С.М.* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. (Уч. зап. Казанского гос. пед. ин-та; Вып. 80). С. 185–186. (а)
- Каишанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. (б)

- Капитанов С.М.* Феодалный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма: сб. ст. М., 1970. С. 148–199. (в)
- Капитанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. (а)
- Капитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. (б)
- Капитанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Капитанов С.М.* Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 21–45.
- Капитанов С.М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014.
- Киселёва Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в средние века: лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб., 2003.
- Кобрин В.Б.* К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV–XVI вв. // Источниковедение отечественной истории: сб. ст. М., 1973. Вып. 1. С. 171–186.
- Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204–207.
- Кузьмин А.Г.* Древнейшая рязанская грамота XIV столетия // Советские архивы. 1967. № 1.
- Лихачёв Н.П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1.
- Макарий (Миролюбов), архим.* Обзорение древних рукописей и книг церковных в Новгороде и его окрестностях // ЧОИДР. 1861. Кн. 2. С. 8.
- Маркс Н.А.* Две старейших русских грамоты, из дошедших до нас в подлинниках // Древности. Тр. Московского Археологического общества. 1914. Т. 24.
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 2.
- Носов Е.Н.* Новгородская область Буйцы (Историко-археологический комментарий) // ВИД. 1994. Вып. 25. С. 41–62
- Носов Н.Е.* «Новое» направление в актовом источниковедении // ПИ. 1962. Вып. 10. С. 261–348.
- Остромирово евангелие 1056–1057 гг.: Факсимильное воспроизведение. М.; Л., 1988.
- Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26.
- Продолжение Древней российской вивлиофики. СПб., 1789. Ч. 5.
- Рождественская Т.В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992.
- Рождественская Т.В.* Надпись с именем князя Мстислава из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // Древний Псков: Исследования средневекового города. СПб., 1994. С. 77–80.

- Рыбушкин М.* Краткая история г. Казани. Казань, 1834. Ч. 1.
- Сахаров [И.П.]*. Образцы древней письменности. СПб., 1891.
- Сборник документов по истории СССР / под ред. А.М. Сахарова. М., 1971. Ч. 2.
- Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. / сост., вступит. ст. и примечания Ю.И. Гренберга. СПб., 1995. Кн. 1.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1.
- Семенов А.И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // НИС. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 247.
- Сёмина М.В.* Грамота великого князя Олега Рязанского XIV века // ТОДРЛ. 2014. Т. 62. С. 260–268.
- Срезневский И.И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.) // ИПОРЯС. 1859–1860. Т. 8. С. 338 [то же: *Срезневский И.И.* Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. (1130 г.). СПб., 1860. С. 6 (репринт. изд.: М.: Книга по требованию, 2012)].
- Срезневский И.И.* Дополнения к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка // ИПОРЯС. 1861–1863. Т. 10. С. 498.
- Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863.
- Столярова Л.В.* Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 562–568.
- Столярова Л.В., Капитанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010.
- Татищев В.Н.* История российская. Л., 1968. Т. 7.
- Тихомиров М.Н., Щепкина М.В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.
- Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956.
- Щавинский В.А.* Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935.
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Янин В.Л.* Печать Мстиславовой грамоты // КСИИМК. М., 1956. Вып. 65. С. 42–48.
- Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 2.
- Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М., 1981.
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: хронологический комментарий. М., 1991.
- Янин В.Л.* К вопросу о дате древнейшего русского акта // Проблемы всемирной истории: сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 159–162.

- Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004.
- Atsma H., Vezin J. Aspects matériels et graphiques des documents // Typologie der Königsurkunden. Kolloquium de Comission Internationale de Diplomatie in Olmütz 30.8.–3.9.1992 / Hrsg. von Jan Bistřický. Olomouc, 1998.
- Blaise A. Dictionnaire latin-français des auteurs du Moyen-Âge. Turnhout, 1975.
- De Hamel Ch. A History of Illuminated Manuscripts. Oxford, 1986.
- Diringer D. The Illuminated Book: its history and production. L., 1967.
- Ganshof F.-L. L'immunité dans la monarchie Franque // Le liens de vassalité et le immunités. Bruxelles, 1958.
- Kroell M. L'immunité franque. P., 1910.
- Magnou-Nortier E. Étude sur le privilège d'immunité du IVe–IXe siècle // Revue Mabillon. Études d'Histoire monastique en France. Ligugé. 1984. T. 60, № 297–298.
- Needham P. Twelve Centuries of Bookbindings, 400–1600. Oxford, 1979.
- Niermeyer J.F. Mediae latinitatis lexicon minus. Leiden, 1976.
- Sanders D. Wörterbuch der Deutschen Sprache. Mit Belegen von Luther bis auf die Gegenwart. Leipzig, 1860. Bd. 1.
- Stengel E. Die Immunität in Deutschland bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Innsbruck, 1910.
- Weitzmann K. Late Antique and Early Christian Book Illumination. N.Y., 1977.

Sergey M. Kashtanov, Lyubov V. Stolyarova

MSTISLAV'S CHARTER: PROBLEMS OF ORIGIN

The paper is dedicated to palaeographic and diplomatic study of the earliest Rus charter extant in a parchment original: the charter of Great Prince Mstislav Vladimirovich and his son Prince Vsevolod to St George's Monastery near Novgorod dated to 1130. The authors argue that palaeographically the charter belongs to the book, not to the chancery domain of writing, and the surviving single-sheet document has probably been extracted from a liturgical book into which the charter had been originally transcribed. As a document written in gold, the charter is analyzed in the context of Rus 11th-13th-century books in which gold is used for writing. The analysis of the layout of the text helps the authors to reconstruct the original appearance of the document. The formulaic of the charter and its content are studied in the context of the development of monastic land-ownership and immunity. A hypothesis is put forward that the charter was extracted from the book in the late 18th century. As an appendix to the article, a new diplomatic edition of the charter is presented.

Ключевые слова: Old Rus, writing, Mstislav's Charter, palaeography, codicology, diplomatics, feudal immunity